

★ ВЕЛИЧИЕ РОДИНЫ – В ВАШИХ СЛАВНЫХ ДЕЛАХ ★

СПЕЦНАЗ

ВОЙНА
НЕРВОВ

Михаил НЕСТЕРОВ

Джеб

Михаил Нестеров

Война нервов

«ЭКСМО»

2006

Нестеров М. П.

Война нервов / М. П. Нестеров — «Эксмо», 2006 — (Джеб)

Боевая группа диверсантов ГРУ Евгения Блинкова никогда не останется без работы. К командиру Джебу обратилась за помощью некая дама, чтобы тот разыскал убийц ее дочери. Блинков вскоре выяснил, что отец девочки Петр Юсупов исчез при загадочных обстоятельствах, и его по всему миру ищет начальник безопасности ордена «Опус Деи» Морето. Бывший сотрудник Моссад, Морето готов на все, чтобы выманить Юсупова из его убежища, даже на убийство его дочери. Бойцы Джеба добрались до моссадовца, и тот сообщил, что Юсупов якобы похитил две тонны золота, вывезенного фашистами из России во время войны и в наше время принадлежащего ордену. Теперь Блинкову нужно найти самого Юсупова, чтобы выяснить истину, ведь столько золота для родины не будет лишним...

© Нестеров М. П., 2006

© Эксмо, 2006

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	26
Глава 6	32
Глава 7	37
Глава 8	43
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Михаил Нестеров

Война нервов

Автор выражает особую признательность еженедельнику «Независимое военное обозрение», газете «Независимая газета» за использование их материалов в своей книге.

Все персонажи этой книги – плод авторского воображения. Всякое их сходство с действительными лицами чисто случайное. Имена, события и диалоги не могут быть истолкованы как реальные, они – результат писательского творчества. Взгляды и мнения, выраженные в книге, не следует рассматривать как враждебное или иное отношение автора к странам, национальностям, личностям и к любым организациям, включая частные, государственные, общественные и другие.

Итак, не бойтесь их: ибо нет ничего сокровенного, что не открылось бы, и тайного, что не было бы узвано.

Евангелие от Матфея, гл. 10, ст. 26

Глава 1

Исповедь

1

Мадрид, Испания, апрель 2003 года

Старый епископ умирал...

Он уносил с собой в могилу тайну, отчетливо осознавая, что молчание не украсит его смерть.

Неожиданно улыбнулся, вспомнив поговорку: «*На смерть и на солнце во все глаза не взглянешь*». Даже если зрение твое острое, как у сокола, и ты умрешь с открытыми глазами, все равно они запечатлеют лишь этот мир. В них не отразится даже черта, разделяющая жизнь на земле и вечную жизнь на небесах, называемая смертью.

Епископ Рейтер лежал на жесткой кровати, укрытый до груди тонким белым одеялом. У изголовья умирающего сидел Петр Юсупов. Он склонился над священником, повинувшись жесту его иссохшей за восемь с половиной десятков лет руки, и против воли не мог представить его молодым, хотя бы тридцатилетним...

Епископ прошептал на ухо единственному в этой комнате человеку:

– *Quo vadis?*

Две тысячи лет тому назад на этот вопрос апостола Петра, бежавшего из Рима от легионеров Нерона, Христос с крестом на плечах ответил: «Иду в Рим, чтобы снова быть им распятым». И стал невидим. Апостол, страдая за Иисуса, возвратился в «город без границ» и был заточен в Мамертинскую тюрьму.

Юсупов принял слова епископа за бред умирающего, покачал головой и снова выпрямился.

– *Пойдешь ли ты за мной?* – прозвучал более четкий, но в то же время пугающий вопрос священника.

«Пойти за ним? – Юсупов непроизвольно дернул плечами. – Умереть, что ли?»

Он не стал скрывать улыбки – несмотря на то что Рейтер, казалось, смотрел на него в упор. Старик был страшен: тонкие седые волосы рассыпались по плечам, кожа на руках и шее пугала рубцами от глубоких ожогов; а там, где не было шрамов, кожа высохла и истончилась до состояния пергамента.

Епископ поднял тонкий и длинный палец, призывая слушателя к вниманию. Юсупов услышал лишь одно слово на родном языке священника:

– *Mysterium.*

Оно означало тайну, таинство. У древних греков и римлян – тайный религиозный обряд с участием в нем только посвященных.

Епископ заговорил неожиданно окрепшим голосом:

– Тайны – это оплот всех орденов. И нашего ордена тоже. Что делает нас могущественными? Отвечай, сын мой, – потребовал он.

– Хранение тайны, монсеньор, – ответил Юсупов.

– Во все времена, – продолжил священник, – в тайны любого христианского ордена посвящали не всех, и по принципу, который ты знаешь и скажешь его сейчас для меня. Ну же, – поторопил он Юсупова, – у меня мало времени.

Тот снова повиновался:

– *Если ты достаточно умен, чтобы вникнуть в суть тайны, значит, тебе разрешено знать, что она собой представляет.*

И здесь речь шла об избранных, мысленно добавил Юсупов. И едва не вздрогнул, когда епископ повторил то, о чем он подумал.

– Речь идет об избранных... Меня скоро не станет. Пока у меня есть силы, пока я могу четко изъясняться, послушай меня не как священника, а как дипломата. Испания и Португалия получили значительное количество нацистского золота, которое поступило в начале сороковых годов в эти страны из Швейцарии.

Как ни странно, Юсупов тоже слышал недавно об этом золоте. В одном из новостных блоков об этом объявил в Вашингтоне один из сенаторов-республиканцев. Он возглавлял исследование о судьбе золота, конфискованного нацистами у евреев в оккупированных Германией странах, а затем помещенного в швейцарские банки.

Сенатор вел переписку с испанским и португальским послом в Соединенных Штатах, делал запросы относительно судьбы золота. Он хотел узнать, был ли драгоценный металл переправлен в Латинскую Америку, где после капитуляции Третьего рейха нашли убежище многие нацистские военные преступники. Сенатор ознакомился с одним из рассекреченных в 1991 году документов, находящихся в Национальном архиве США. В нем указывается, что Швейцария направила в Испанию сорок пять грузовиков с золотом и восемьдесят девять – в Португалию. В документе приведены номера машин, которые пересекли несколько государственных границ. С января 1942 года по май 1944 года было перевезено сто восемьдесят восемь тонн золота. На сегодняшний день удалось восстановить пути следования золота из Швейцарии в Мадрид. Испания купила около трех тысяч слитков. Но до сих пор нет ответа на вопрос о двух тоннах золота, которое немцы хранили в своем посольстве в Мадриде. Оно бесследно исчезло к концу войны¹.

Припоминая заключительные слова сенатора, Юсупов подумал: «Выходит, существует и продолжение».

---

¹ По материалам «Независимого военного обозрения».

Он не сводил заинтересованных глаз с епископа. Старик говорил с трудом, но пока еще внятно, даже акцентированно:

– Я перенес золотые слитки сюда, в этот дом, и сейчас они подо мной. Потому что в посольстве хранить их было опасно. С каждым днем все труднее и труднее. Но и здесь угроза была слишком велика. Я подумывал о том, чтобы переправить золото в Барселону. Навел справки в коммерческой компании грузоперевозок. Практически весь путь груз провел бы в товарном вагоне – через Сарагосу и Таррагону. А в Барселоне рассчитывал воспользоваться паспортом прикрытия. На имя *Карла фон Фрикке* я хотел приобрести судно, одно из немногих, что можно было купить в то время. А потом отправиться на нем туда, где никогда не было и не будет войны...

Епископ перевел дух, облизнув потрескавшиеся губы. Отказался от глотка воды, предложенного гостем.

– Я грезил о райских куцах, сын мой. Но еще за год до этого мне на пути повстречался основатель католического ордена «Опус Деи». Я послушал одну его проповедь, другую... Уже не помню, какой у него был взгляд, но голос обладал магнетизмом. Много позже понял, что райские кущи не имеют ничего общего с моими представлениями о них. На самом деле они в голове, в сердце, в вере. И неважно, нищ ты или сказочно богат.

«Неважно, кто ты и как тебя зовут, – в тон Рейтеру мысленно продолжил Юсупов. – Бывший советник германского посольства в Мадриде Вильгельм Рейтер или Карл фон Фрикке».

Он примерил дворянский титул на епископа и покачал головой: «Нет, ему на роду написано быть священником. Голубая кровь для него смертельна». Однако это имя – Карл фон Фрикке – не вызывало дисбаланса и подходило старику.

Епископ снова передохнул и продолжил:

– Ты вправе сказать: «Епископ, ты украл золото». Ну и что? На мне нет вины перед орденом, потому что я в то время не помышлял о вступлении в орден. Но именно орден в лице простой монахини, назвавшей меня по имени в госпитале, подсказал мне, что делать и как поступить. Я ждал подходящего момента. С другой стороны, надеялся, что во главе ордена не станет толстосумов. Так и не дождался...

Юсупова пронизала острая мысль: сейчас старик предложит ему дожидаться той долгожданной поры, свободной от богатых дельцов в сутанах. Не выйдет. Просто не выйдет.

И только после этого едва не хохотнул: он поверил в тайну нацистского золота! Глядя на священника по-новому, он едва не потребовал от него доказательств его существования. Поймал себя на сумасшествии: епископ откладывает запланированную на сегодня кончину, оставляет одр и манит гостя за собой. Ведет его в подвал и показывает на груды продолговатых ящиков. Нереально.

Старик закашлялся и был вынужден принять от гостя воду.

– Возня вокруг нацистского золота началась давно, – продолжил он. – Я был лично знаком с итальянским послом в Мадриде. 20 сентября 1944 года он написал письмо и направил его в испанский МИД. Он написал, что нацисты захватили во время оккупации Рима девяносто восемь тонн золота в Банке Италии, и просил содействовать его возвращению в страну. Итальянцы рассчитывали пополнить свои полупустые сейфы.

– Так просто?

– Вот и ты так думаешь. – В голосе старика прозвучали уважительные нотки.

– А как же диктаторы Испании и Португалии?

– Они были хорошо осведомлены о происхождении золотых слитков.

– О преступном происхождении слитков, – непроизвольно поправил Петр Юсупов, потомок ногайских мурз, российских князей, участников походов, войн, заговоров. Втягиваясь в разговор, он все же не верил в золото, все еще хранившееся в этом доме.

– Как и я, ты, Петр, военный человек. Вначале ты надел военную форму, а уже потом сделал выбор в пользу нашего ордена. Я всегда ценил это качество в военных людях. Трезвый выбор и долгое служение делу. Я сделал выбор в твою пользу и по той причине, что ты...

Рейтер еле слышно прошептал: «Нет, рано. Пока он услышал то, что его не удивило и не могло удивить. Пора заканчивать эту лживую, позаимствованную прелюдию и раскрыть ему глаза на правду».

– Я передам тебе тайну, которая может разрушить орден до основания, расколоть Ватикан, пошатнуть папский престол. – Епископ указал на себя: – *Quelle*²...

И вдруг содрогнулся. Юсупову показалось, что он затрепетал от ужаса.

Гость спокойно смотрел в лицо умирающего епископа, провожал последние мгновения его жизни. Он не испытал к нему, как раньше, жалости. И все же глаза полковника испанских ВВС наполнились печалью; в них не было лишь одного, что почти всегда стоит за глубокой грустью: уверенности в том, что все будет хорошо.

Нет, на этой земле епископу Рейтеру хорошо уже не будет. Может быть, на том свете, куда в этот миг готовилась улететь его душа, ему уже припасли тихий и светлый уголок...

Юсупов не мог думать в другом ключе, глядя на священника, обезображенное лицо которого к этому моменту стало умиротворенным.

Для Юсупова он сделал много. По сути, полковник, не имеющий духовного сана, стал его духовником и принял необычную исповедь от него. Он только что не сказал «спасибо», наклоняясь над епископом и касаясь губами его лба.

Он перекрестился сам и осенил крестом умершего священника со словами:

– Покойся с миром, отец...

2

С мыслью: «Нужно позвонить прелату в Рим и сказать ему о кончине епископа», показавшейся ему ненужной, лишней, не имеющей смысла, Юсупов оставил комнату покойника и вышел в коридор. Он много раз бывал в этом доме на западе Мадрида, в небе которого некогда советские истребители охотились за немецкими бомбардировщиками...

Юсупов неожиданно ощутил во рту металлический привкус. Он сглотнул, понимая, что кусок не полезет в горло, хотя и чувствовал голод. «Сколько я не притрагивался к пище?» – подумал полковник, направляясь, однако, в кухню. Он открыл холодильник, достал кусок плавленого сыра в пластиковой упаковке и бумажную тарелку с чуть подсохшими ломтиками копченой колбасы. Такую пищу епископ Рейтер не ел уже много лет. Гость предположил, что колбасу могла купить и нарезать для себя монахиня, которая последние дни не отходила от постели епископа и лишь сегодня получила передышку.

Намазав сыр на хлеб, положив сверху колбасу, Юсупов откусил бутерброд и тут же почувствовал значительное облегчение. Достал из шкафа красное вино и, делая мелкие глотки, стал смотреть в окно на улицу.

Фасадная часть дома выходила на парк Атенас, по обе стороны которого разместились, утопая в зелени, часовня Святой Девы дель Пуэрто и церковь Святой Девы Альмудены. А сразу за ней – Королевский дворец, самый красивый в Европе, вместивший в себя множество музеев: живописи и декоративного искусства, музыки, аптеки, вооружения, нумизматики...

Как ни странно, Юсупов больше любил не сам Мадрид, расположенный в центре Иберийского полуострова, а его окрестности. Раз в году он бывал в Толедо, где восемь веков ежегодно из собора выносят святые мощи...

---

² Источник (нем.).

Он поймал себя на странной мысли: все восемь столетий епископ Рейтер принимал участие в этом торжестве.

Гость доел бутерброд, сполоснул руки под краном и задумался – что-то упустил из виду, забыл. И вздохнул от досады: оповестить прелата ордена о смерти Всадника³, старейшего члена католического ордена.

Не сейчас.

Юсупов спустился в подвал, поскольку только там, по его мнению, и могли храниться золотые слитки. Он старался не думать о них, чтобы было легче пережить разочарование. Все же он невольно настроился на положительный результат и действовал в таком ключе, будто сопровождал свою копию.

Подвал проходил под всем домом, и лишь в той части, которая после взрыва газа подверглась ремонту, все пустоты были заделаны бетоном и камнем.

В дальнем углу подвала находились котельная с дровяным отоплением и немалый, на несколько лет, запас дров. Если где и есть потайная дверь, то за аккуратными поленищами.

Юсупов не решал никаких головоломок. О католическом ордене, в котором он состоял уже пятнадцать лет, рассуждал с позиции военного. Со времен инквизиции функции папской разведки, контрразведки и ведения дознания возлагались на доверенных лиц из числа кардиналов, епископов и прелатов, возглавлявших особые структуры и ордена. Сегодня иезуиты уже не имеют прежнего влияния в католическом мире – их место занял другой орден Ватикана – «*Prelatura della Santa Croce e Opus Dei*»⁴.

Он неожиданно вспомнил: накануне конклава кардиналов, который избрал краковского епископа Кароля Войтылу новым папой, Иоанн Павел II посетил один из ватиканских церковных склепов и пал ниц, распростершись на плите из зеленого мрамора с надписью «*Хосемария Эскрива де Балагер*». Это была могила испанского священника – основателя светского католического ордена «Опус Деи».

Он разобрал один ряд дров, отбрасывая дубовые поленья за спину, и приступил к другому. Прошло не меньше четверти часа, прежде чем перед взором Юсупова предстала шероховатая стена. Он уже успел сориентироваться: эта стена являлась фундаментом для несущей стены в комнате епископа. А вот соседняя часть здания с широким окном, предназначенным для выгрузки в подвал дров, выходила во внутренний двор дома.

Юсупову пришлось еще потрудиться, пока он не обнажил большую часть отштукатуренной стены. Он вернулся на середину подвала и нашел там колун, точнее, топор с длинной ручкой и узким лезвием для лесорубов. Вооружившись им, он ударил в стену, еще раз, на слух определяя ее толщину: не шире одного кирпича. Семь, восемь, десять ударов. Пара соседних кирпичей поддалась, и следующий удар выбил их из стены; они повалились, ударившись обо что-то.

«Я перенес золотые слитки в этот дом».

Только теперь Юсупов, стоя перед проломом, подсчитал, сколько раз спускался в подвал Вильгельм Рейтер, тогда еще посольский работник, принося по одному стандартному слитку весом в двенадцать килограммов. Полторы сотни раз он пересчитывал ступени...

И теперь уже сам содрогнулся. Почему эта невероятная мысль пришла ему голову, он так и не понял. Ведь ничто не указывало на Вильгельма Рейтера как на убийцу. Юсупов представил: *Всадник маскирует смерть хозяйки под взрыв газа*. Ему нужен этот дом, этот подвал, способный вместить все золото наци. В строгом костюме и галстуке он стоит над трупом женщины... Может быть, уже тогда он представлял себя «рыцарем в сутане».

---

³ Рейтер по-немецки – всадник.

⁴ «ПРЕЛАТУРА Святого Креста и дела Бога».

Вильгельм Рейтер был немцем, рассуждал Юсупов. Но не членом германской фашистской партии. Но так ли это?.. В начале восьмидесятых годов прошлого столетия папа римский даровал «Опус Деи» статус своей личной прелатуры – структуры, которой сейчас управлял один из его прелатов. Многие священники объявили идеологию «Опус Деи» одной из разновидностей фашизма. Есть ли тут связь с Рейтером, немцем по национальности?..

Юсупов вернулся в дом за фонариком. В комнате епископа он окончательно определил: подвал находился точно под ней. Спohватившись, он подошел к кровати, высвободил из-под скрещенных рук покойника одеяло и накрыл его с головой.

Потайная комната оказалась полметра в длину и два с половиной в ширину. И едва луч фонаря высветил содержимое первого ящика, Юсупов, чувствуя каждый волос на голове, прошептал:

– Мне одному с этим не справиться.

И снова всплыл в голове доклад американского сенатора. В нем он говорил о номерах машин, которые пересекли несколько государственных границ. То было в далеких сороковых. Скоро еще одна машина, нагруженная золотом, пересечет несколько областей Испании и окажется в Кадисе. Юсупов в этом не сомневался.

И еще одна усмешка, последняя в этот день, возникла на лице Юсупова. Если бы епископ Рейтер сумел размуровать хранилище десять, тридцать, пятьдесят лет назад, он бы не увидел своих сокровищ.

Вильгельм Рейтер, Всадник и епископ «Опус Деи», был слеп.

Глава 2

Рыцари в сутанах

Кадис, Испания, три месяца спустя

Петр Юсупов подъехал к школе на серебристой «Тойоте». Не успел заглушить двигатель, как тут же увидел викария, наместника прелата в Барселоне. Он назначил встречу с Юсуповым возле бизнес-школы «IESE» при Наваррском университете, где нередко читал лекции. Это учебное заведение было создано членами папского ордена наряду с другими вузами в Перу, Колумбии, на Филиппинах.

Викарий распахнул дверцу и протиснулся в черный салон авто. Повел плечами, словно примерялся к ширине японской машины.

– Что вы делали в школе в такой поздний час? – спросил Юсупов, отметив время: начало одиннадцатого вечера.

Викарий не ответил.

Он нервничает. Полковник Юсупов это определил по учащенному дыханию священника, по его потемневшим глазам. Если бы он смог через них заглянуть в душу викария, он бы узнал много нового о себе и о высшем духовном лице ордена. О нем и заговорил викарий, расправляя складки длинной церковной одежды. Юсупов, прежде чем тронуться в путь, переспросил с легким замешательством:

– Епископ в Кадисе?

– Да, и хочет видеть тебя немедленно, мой друг.

– Он забыл свое расписание на неделю или отказался от этой давней традиции? – задал Юсупов вопрос. Он только вчера лично разговаривал с епископом по телефону. Их разделяли почти две тысячи километров: прелат находился в римской штаб-квартире ордена на Вьяле Бруно Буоцци, 73. – Я думал, он сейчас далеко...

– Он далеко, – усмехнулся викарий, перебивая, – далеко не в восторге от твоей работы.

«Неужели епископ узнал о главном?» – пронеслось в голове полковника Юсупова. – Если это так, то явлюсь к епископу сегодня, а завтра предстану перед своим апостольским тезкой-ключником».

Занятый тревожными мыслями, он не заметил, как впереди показалась церковь Сан-Фелипе. Она была не такая величественная, как кадисский кафедральный собор, построенный в стиле барокко и неоклассицизма. Их роднило, по крайней мере, одно: крипты⁵. Соборные крипты были со сводами. Церковные – тоже, но они находились в катакомбах, где в старину совершались богослужения и погребали умерших.

Полковник провел машину в открытые ворота; глянув в панорамное зеркальце, увидел, как монах в черной одежде тут же закрыл их.

Юсупов остановил «Тойоту» в десятке метров от входа в храм и первым оставил салон. Снова посмотрел на часы, теперь давая понять викарию, что учтивость осталась в машине. Не сам, так с божьей помощью откроет дверцу и выберется наружу, пронеслась в голове Юсупова богохульная мысль.

Он стоял на маленькой паковочной площадке, освещенной фонарем, и смотрел на портал церкви. Не видя епископа, предположил: священник в нетерпенье прохаживается, заложив руки за спину, по амвону. В храме, как в казино, нет часов, однако прелат, часто останавливаясь

---

⁵ Здесь: помещение в катакомбах.

на площадке для проповедей, бросает взгляд на расписной купол, пронизывает его взором и определяет время по звездам.

Юсупов осадил себя: хватит. Сегодня он что-то часто оскорблял церковников. Но не вдруг – относиться к ним с долей сочувствия и пренебрежения он начал три месяца назад, выслушав исповедь Рейтера. Он будто сорвался с колодок, услышав выстрел слепого стартера, и все никак не мог остановиться.

Викарий наконец-то вылез из машины. Поддерживая полы сутаны, он ступил на крыльцо, обнажая на миг красноватые остроносые туфли с золотистыми пряжками. Юсупов хмыкнул и последовал за ним в церковь.

Полковник увидел мрачную фигуру прелата в середине прохода. Хавьер Мельядо Федерико действительно прохаживался, перебирая четки узловатыми пальцами, но только между двумя рядами коричневатых скамей. Он приостановил свой шаг и обернулся к прибывшим. Плавным жестом руки отпустил викария, более энергичным движением руки указал полковнику на скамью; сам сел напротив; их разделял лишь проход с влажным еще после вечерней уборки полом.

В молчании прошла минута, другая. Юсупов подумал: если епископ прибыл в Кадис ради того, чего боялся полковник, то начнет он разговор с вопросов: сколько времени полковник состоит в тайной организации, что она ему дала в плане полезного, чем он отблагодарил орден, в конце концов.

Юсупов очень часто видел в прелате главу всех католиков – папу римского. И не мог объяснить причины столь странных мыслей. Возможно, он просто хотел видеть у священного престола молодого, хотя бы шестидесятилетнего понтифика, а не немощного старика, окруженного, как стаей хищных птиц, сотрудниками службы безопасности, входящими в структуру курии⁶.

– Бог любит тебя на том месте, которое ты занимаешь, – совсем неожиданно для Юсупова произнес прелат. – В тех трудах, которые ты избрал, – закончил фразу Мельядо чуть надтреснутым, однако сочным голосом. – Потому молитвы не так уж и важны. Твой труд, исполняемый в молчании, и есть молитва, переходящая в реальный разговор с Богом. Скажи мне, Петр, скажи не как священнику, а как если бы я был твоим отцом: часто ли ты ищешь освящения через свою работу?

– Наверное, это происходит всегда, монсеньор. Почему вы об этом спросили?

Епископ не ответил на вопрос, но продолжил свою мысль:

– Если ты ищешь освящения через свою работу – обрати ее в личную молитву. Не дай ей раствориться в безразличии и рутине, ибо в тот же миг умрет и божественное вдохновение, оживлявшее твой вдохновенный труд. – Красивый баритон прелата будто заполнил все пустоты, ниши церкви; его голос звучал неожиданно насыщенно, без намека на эхо.

Прошло несколько секунд, прежде чем Юсупов ответил на вопрос генерала ордена.

– Я при всем желании не могу назвать свой труд вдохновенным.

– Почему? – Прелат чуть склонил голову набок. – В чем причина? В том, что ты руководишь военной базой?

– Нет, падре. – Юсупов невольно покосился на исповедальню: самое время перейти в скрытое, разделенное надвое помещение и уже там отвечать на все более настойчивые вопросы священника.

– А может быть, причина кроется в незаконной иммиграции африканцев в Испанию?

«Неужели это и есть то главное, чего я боялся? – прострелила Юсупова мысль, и он почувствовал облегчение. – Боже, если это так, то я самый счастливый человек на свете. Незаконная иммиграция. Всего лишь иммиграция, а значит, никаких обвинений в мой адрес».

---

⁶ Правительство Ватикана.

Полковник Юсупов являлся начальником военной базы Рота в Кадисе. Пару лет назад он фактически контролировал ситуацию на спорных территориях, мелких островах между Испанией и Марокко. Остров Перехиль давно превратился в перевалочную базу для нелегальных иммигрантов и наркоторговцев.

Все началось с просьбы прелата. Мельядо лично попросил полковника принять активное участие в судьбе нескольких марокканских семей, которые долгое время не могли иммигрировать в Испанию. Фактически речь шла о незаконной иммиграции, скорее всего членов «криминальных семей» Марокко, которым власти Испании не могли дать вид на жительство. Косвенным доказательством тому служило влияние ордена. Его было достаточно для решения этой несерьезной проблемы в законных рамках.

Потом Юсупов сразу отказался от идеи использовать в незаконном бизнесе испанцев. Даже марокканцев с испанскими паспортами он не мог назвать наемниками. Это слово не подходило и американцам, которые освоились на двух базах – Рота в Кадисе и Морон-де-ла-Фронтера в Севилье. Он остановил свой выбор на российских моряках. «Контроль над ними двусторонний, – привычно рассуждал Юсупов, готовясь к вербовке моряков, – а значит, и ответственность за преступления двойная: перед испанской и российской сторонами».

Сейчас он вспомнил, при каких обстоятельствах произошел первый контакт с экипажем «Беглого огня». В первую очередь он поинтересовался странноватым названием. Судно-то гражданское, рефлагированное, ходит под испанским флагом, при чем тут беглый огонь. Русский капитан объяснил этот факт просто: на катере был пожар, огонь долго не удавалось потушить. Гениально, как все простое, усмехнулся тогда полковник.

Итак, ворошить прошлое и буквально видеть заинтересованные лица россиян Юсупов не хотел. Команда «Беглого огня» приняла предложение полковника, чьи предки эмигрировали из революционной России во Францию в 1919 году. Через месяц моряки подали письменное прошение в качестве претендентов в члены «Опус Деи». По истечении положенных шести месяцев со дня подачи заявления шестеро прилично одетых молодых людей робко жались к восточной стене главной крипты, где нашли себе место ординаторы «Опус Деи» для военнослужащих. Они также были одеты в темно-синие костюмы, стояли в подчеркнуто строгой позе, как по стойке «смирно».

И в этом плане Сан-Фелипе походила на одну из парижских церквей, которая служила местом встреч различных тайных обществ.

Прелат поблагодарил всех присутствующих (членов ордена на обряд присоединения собралось около пятидесяти человек) за то, что они явились по его первой просьбе. Повернувшись лицом к группе россиян, он спросил:

– Присоединяющиеся к «Опус Деи», берете ли вы на себя обязательство принимать духовную подготовку от ордена и участвовать в его миссии? Отвечайте по одному.

– Да. Да, – раздались несколько голосов.

– Для присоединения, кроме вашей личной убежденности в своем божественном призвании, необходимы свободно поданное прошение и согласие руководства прелатуры. Вы подали письменное прошение о присоединении?

– Да.

– Да...

Епископ Мельядо, стоя в сутане в середине зала, кивнул:

– Мы можем принять вас в «Опус Деи».

Раздались возгласы облегчения.

Мельядо еще раз напомнил россиянам, что присоединение к ордену влечет за собой следующие обязательства:

– Со стороны прелатуры: обеспечить вас образованием в области католического вероучения и духа «Опус Деи», а также пастырским попечением священников прелатуры.

Со стороны присоединяющихся слово взял старший – лет тридцати, коротко стриженный человек. Его голос заметно вибрировал и эхом отдавался под вековыми сводами самой большой в катакомбах крипты. Было видно, что следующий текст он тщательно заучил, отчего его акцент стал менее заметен.

– С нашей стороны: оставаться в юрисдикции прелата в том, что касается целей прелатуры. Соблюдать юридические нормы ордена и исполнять другие обязанности членов «Опус Деи». Мы берем на себя обязательство стремиться к святости и совершать апостольское служение в согласии с духом ордена.

– Что это означает? – согласно обряду спросил прелат.

– Это означает, прежде всего, возрастать в духовной жизни путем молитвы, жертвы и принятия *таинств*. Посещать мероприятия, предлагаемые прелатурой для получения образования и духа «Опус Деи». Мы будем посильно помогать прелатуре, – он чуть замешкался, – нести евангельскую весть в мир.

– Да будет так, – наклонил голову прелат. Обряд подходил к концу. Осталась заключительная часть его.

Он подошел к задрапированной стене и отдернул ткань. За ней взору присутствовавших открылись шесть украшенных черным бархатом ниш. К ним подошли шестеро человек и по знаку прелата подняли бархат.

– Это ваши могилы, – пояснил генерал ордена, поочередно глядя на моряков. – Вы постоянные члены ордена. Поздравляю вас, братья!

Братья были ни живы ни мертвы. Им оставалось ответить на последний вопрос, однако они не представляли, с каким настроением будут давать его: даже символические могилы ввергли их в трепет.

– Кто ты? – спросил прелат, сверля взглядом крайнего в ряду.

– Отвечай: я есть, что я есть, – шепотом подсказал старший член ордена, стоявший рядом.

– Я есть, что я есть.

– На тебя возлагаются полномочия исправлять ошибки и указывать на неправильное поведение братьев и кандидатов и охранять их от нарушения верности. А кто ты? – задал он вопрос следующему.

– Я есть, что я есть...

От размышлений Юсупова снова оторвал голос прелата.

– Методы запугивания неэффективны, а рассуждение на тему о вреде наркотиков и описание симптомов наркотизации лишь становятся скрытой рекламой наркотиков, – нараспев произнес Мельядо.

Пауза.

Юсупов взял на себя смелость покачать головой и еле заметно усмехнуться:

– Я не понимаю, монсеньор, зачем вы о скрытой рекламе говорите. Мне, – подчеркнул он, – дворянину, полковнику ВМС Испании, выпускнику Высшего центра исследований национальной обороны? И я в этом расслышал скрытую угрозу. Чем я заслужил такое отношение к себе?... – Взгляд полковника стал ожесточенным. – Я более пятнадцати лет служу ордену. Все эти годы я ревностно, хотя не люблю этого слова, охранял секреты братства. Моя семья – жена и дочь – не знают о моей принадлежности к «Опус Деи». Я тут размышлял с точки зрения офицера, а сейчас хочу вас спросить, не меняя этой плоскости: чего вы от меня хотите? Прошу вас, *генерал*, не ходите вокруг да около, говорите прямо. Я не тот человек, к которому нужно подъезжать окольными путями. К чему вы упомянули наркотики?

Епископ Мельядо не стал скрывать усмешки, показавшейся собеседнику издевательской. Принимая обращение «генерал» только от военнослужащих, он перешел на «ты».

– Твои люди, я говорю о русских моряках, хотя они и мои люди тоже, так вот, они на протяжении нескольких недель занимались черт знает чем. Именно так – черт знает чем, – акцентировал прелат. – До меня дошли вести о том, что они, получив зеленый коридор для переброски африканских беженцев, использовали его для наркотрафика. Не перебивай меня, – он остановил Юсупова властным жестом руки, – я еще не закончил. Твои люди не остановились и стали подмешивать к чистому и дорогому героину дешевый синтетический наркотик. И я хочу спросить тебя, Петр, почему эти сведения дошли до меня раньше, чем до тебя, и почему я не услышал эти новости от тебя лично. Может, в этом вопросе нет логики. Но она может, я говорю – она может появиться только в одном случае. Ответь, ты знал о махинациях русских моряков? Не ты ли стоял во главе этих махинаций?

Внутренний голос Юсупова кричал:

«Нельзя спускать оскорблений, пусть они даже от генерала ордена».

Он с трудом взял себя в руки.

– Ваше преосвященство, я ничего не знаю об этом. Ваши сведения верны? Вы можете назвать мне источник?

– Он возглавляет Главное управление жандармерии, – после короткой паузы ответил Мельядо. – Информация, как ты понимаешь, конфиденциальная. Нам дается возможность самим устранить проблему, не вынося сор из избы. Нечто схожее там расследовали в начале 90-х годов. Тогда на испанских улицах появился наркотик под названием «белый китаец».

– Да, я слышал об этом.

– Зачастую наркоторговцы продавали его под видом героина, что стало причиной сотен жертв среди наркоманов. Жертвы не владели информацией о большей активности синтетика по сравнению с героином, за который они его принимали. Фактически кололи себе сильнодействующий яд. Русские подмешивали к героину синтетик в пропорции примерно один к трем. Таким образом, экономили до трети героина. Героин стоит дорого, «белый китаец» стоит гроши. По меньшей мере три месяца сибиряки получали солидную прибыль.

Юсупов не знал, что ответить Мельядо. На языке вертелось слово «скандал», перед глазами – заголовки из центральных газет:

ЛИЧНАЯ ПРЕЛАТУРА ПАПЫ ЗАНИМАЛАСЬ НАРКОТРАФИКОМ.

ЖЕРТВАМИ КАТОЛИЧЕСКОГО ОРДЕНА «ОПУС ДЕИ» СТАЛИ СОТНИ НАРКОМАНОВ.

ДЕСЯТКИ ГРАЖДАН РОССИИ ВОВЛЕЧЕНЫ В ПРЕСТУПНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПАПСКОЙ СЕКТЫ.

Что там скандал в Ватикане, разгоревшийся по поводу «тотальной педофилии» в карликовом государстве, охраняемом «кукольными» швейцарскими гвардейцами, облаченными в традиционную форму средневековых стражей. Юсупов также подумал, глядя на епископа будто впервые, но с прежними мыслями о том, что видит перед собой главу Ватикана: *«История Церкви полна насилия и обмана».*

– Вам известно, где русские покупали наркотики? – спросил он.

– Героин или синтетик можно купить в порту, на рынке, в подворотне, – ответил епископ. – Можно купить мелкую партию, а можно крупную.

Полковник решительно встал с места.

– Падре, разрешите мне уладить эту проблему. Лично. Прошу вас об этом.

– Порой служение Богу требует совершить грех, – более вдумчиво, чем когда-либо, отозвался седой прелат. – Даже смертельный грех. Отнять жизнь у человека также считается жертвой во славу Господа нашего... Они прошли обряд присоединения к ордену здесь, в главной крипте. – Епископ чуть слышно топнул ногой. – Только здесь должна оборваться нить, связывающая их с «Опус Деи». Здесь умрут зачатки скандала, о которых ты думал последние минуты.

– Но как вы узнали?

– Не важно. Главное, мы думаем одинаково. Что является доказательством твоей непричастности к преступлению русских. – Мельядо покачал головой и погрозил пальцем одновременно. – Через день-два мы оба забудем о червях, которые в крипте говорили что-то о соблюдении celibата. Однако шуршание купюр стряхнуло с них как обет безбрачия, которого они и не собирались придерживаться, так и прочие параграфы нашего устава.

«А еще блеск золота...» – успел подумать Юсупов. И эта мысль омрачила его.

– Пригласи избранников Иуды на собрание. Под предлогом вступления в братство новых членов.

– Но на такие собрания не приглашают младших членов ордена, обычно это старшие и настоятели.

– Моряки знают об этом?

– Не думаю. – Короткое молчание. – Когда вы планируете провести собрание?

– Послезавтра.

«Что же, у меня есть время». Юсупов пересилил в себе желание посмотреть на наручные часы; стрелки его мало интересовали, его интересовала дата. Когда одно число сменится другим, он похоронит здесь тайну. Но не ту, которой был озабочен прелат Мельядо. Сам того не подозревая, старый, с хищным крючковатым носом священник подарил своему подопечному сутки.

Епископ отпустил полковника, начертав в воздухе крестное знамение и дав ему поцеловать свой перстень.

Глава 3

Экспансия

1

Бодрый после утренней пробежки и ряда специальных упражнений, Юсупов снял трубку телефона и набрал номер. Он звонил своей шестнадцатилетней дочери Диане. Она с матерью, с которой Петр состоял в разводе уже несколько лет, жила в отдельном уютном доме на окраине Барселоны.

Он разбудил Диану. Голос девушки прозвучал сонно и недовольно. Хотя всего год назад ее голос в такой же ситуации был просто сонным. *Она взрослеет.* Юсупов рассмеялся этой короткой и запоздалой мысли.

Обычно с дочерью он разговаривал ни о чем и на следующее утро не мог пересказать ни начала, ни конца разговора. Если звонил вечером, то их беседа затягивалась. И тогда он слышал голос своей бывшей жены: «Свидание закончено. Сеньор Юсупов, положите трубку». Он отвечал в том же ключе: «Слушаюсь, господин надзиратель». Потом спохватывался. Каждый раз он не успевал прибавить: «Проследите, чтобы камера вашей подопечной была закрыта на все замки и поставлена на сигнализацию».

Сегодня полковник ВМС решил доказать, что является мобильной единицей. Он погрузил в машину все необходимое для предстоящей работы и подъехал к церкви в начале десятого вечера.

Он не стал беспокоить настоятеля, а сразу прошел в кафе «Гадир», работающее до одиннадцати часов. Кафе отстояло от церкви на сто пятьдесят метров, и в данное время в нем, за исключением нескольких человек из числа местных жителей и туристов, посетителей не было.

Войдя через двойные, частично застекленные двери, Юсупов поздоровался с барменом и попросил позвать хозяина заведения. Через пару минут перед ним стоял пожилой испанец с растрепанной седой шевелюрой.

– Открой двери в крипты, – распорядился полковник. – Принеси из моей машины багажную сумку и оставь здесь. Я вернусь за ней. Принеси ключи от дверей.

Хозяин повиновался: перед ним стоял главный ординатор испанского викариата ордена для военнослужащих.

Он наклонил голову и жестом руки пригласил гостя следовать за ним. Открыв дверь в конце зала, ведущую в служебные помещения, он нащупал за ней рубильник и включил его. Во всех хитросплетениях катакомб зажглись лампы.

Катакомбы, возведенные по приказу парламента в 1812 году, соединяли два строения – кафе и церковь. С высокими сводчатыми потолками, немного мрачноватые, где, как это ни странно, не было места сырости, коридоры и залы в обычные дни были подсвечены электрическими лампами. Несмотря на молодость ордена – он был образован в 1928 году, за год до того, как Ватикан приобрел статус города-государства, – в его ритуалах было многое от более древних орденов. Часто, проходя коридорами, освещенными факелами, Юсупов ловил себя на мысли, что спешит на заседание ордена иезуитов. Вот если бы собравшиеся были одеты в старинные платья и вооружены старинным оружием... – нередко усмехался полковник.

Обойдя катакомбы из конца в конец, Юсупов вернулся к главной крипте и закрыл тяжелую дверь, ведущую в подземные коридоры к церкви. Оставалось повернуть ключ в замке, чтобы отсечь всех, кто вскоре появится здесь, от одного из двух выходов.

В глубоких нишах, предназначенных для захоронений, когда-то покоились священники, потом их останки были перезахоронены на местном кладбище. Только в неверном свете ламп Юсупову всегда чудилось какое-то движение в этих жутких низких альковах, будто призраки священнослужителей недовольно ворочаются в пустоте.

Вернувшись к выходу, он принял от хозяина кафе сумку и связку ключей. Отметив время, отдал очередное распоряжение:

– Через сорок минут в кафе придут несколько русских моряков и спросят обо мне. Ты должен ответить следующее: *«Все уже на месте, вам нужно поторопиться»*.

– Слушаюсь, сеньор.

– Ступай.

За одной из колонн – не толще фундаментного столба, оттого под общим каменным массивом катакомб кажущейся тонкой и ненадежной – Юсупов оставил стальной баллон с вентилем и портативное дыхательное устройство, каким обычно снабжены подводники. Вернулся к двери и прошел мимо. Результатом остался доволен: оснащения не было заметно даже с расстояния в полметра. Еще раз проверил, удобно ли ему выхватывать «беретту» из оперативной кобуры, крепящейся к поясному ремню с правой стороны. Издали он походил на ковбоя, оттачивающего свое мастерство перед зеркалом и готового разрядить обойму в отражение, с которым он соревновался в быстроте.

Полковник был одет в серый костюм свободного покроя. Если бы он пошел дальше в сравнениях, то сейчас, склонившись над стереомагнитолой с приличным звучанием, сопоставил бы себя с ди-джем, решившим развлечь души усопших священников. И музыка последним понравилась бы. Под старинными сводами зазвучала Месса си-минор Баха. За ней на кассете следовали несколько духовных кантат; в них было сбалансировано все: солисты, хор, оркестр.

Звуковой гармонии отчаянно мешал вентилятор. Воздухообмен в подземелье был проще простого. В одном конце приточное отверстие, в другом – вытяжка. Юсупов подошел к силовому щитку, открыл дверцу и нашел пакетник с полоской бумажки, на которой было написано: «Вентилятор». Щелчок, и его лопасти прекратили бег, замерли.

Снова взглянул на часы. Моряки должны подойти через десять или пятнадцать минут. Несколько месяцев общения позволили Юсупову вывести их общую характеристику: жадные, но исполнительные, пунктуальные ублюдки с чеками в карманах за продажу собственных матерей.

Насчет пунктуальности Юсупов не ошибся, а в остальном – перегнул палку.

2

Вчерашней ночью обеспокоенный визитом полковника Юсупова капитан «Беглого огня» Виталий Дечин долго не мог заснуть...

У него была отдельная каюта на этом судне, немногим больше, чем у рядовых моряков. Не выходя из каюты, не вылезая из постели, он мог заказать в интернет-магазине все, на что у него хватит денег. За последние полгода денег у него хватало на многое. Он мог позволить себе непозволительно дорогую проститутку, обслуживающую лишь членов светского общества. Или бутылку вина, которая в пересчете на обычное пойло и в сочетании с древней притчей могла накачать всю команду.

Дечин предпочитал, чтобы его называли шкипером. В Испании он уже четвертый год. Его судно – переоборудованный из малого траулера водоизмещением сто пятьдесят тонн морской туристический катер. Поначалу экипаж Дечина возился с дайверами, но позже посчитал такую работу суетливой. Он занял нишу в области, которая могла прийти в голову только русскому

человеку. Эта идея пришла в голову шкипера год назад в гальюне. Он читал газету, оставленную кем-то из экипажа.

«За последние дни резко обострился испано-марокканский территориальный конфликт. Министр иностранных дел Марокко заявил, что Рабат не будет выводить своих военнослужащих с необитаемого острова Перехиль в Гибралтарском проливе, превратившегося в перевалочную базу для нелегальных иммигрантов и наркоторговцев...»

Виталий Дечин задумался. Оставив тесный гальюн и вернувшись в свою каюту, он призывительно прикинул, какого содержания будет объявление в специализированной газете:

ТОЛЬКО ДЛЯ ЛЮБИТЕЛЕЙ ОСТРЫХ ОЩУЩЕНИЙ!

СВЕЖИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ!

**СКОРОСТНОЙ КАТЕР «БЕГЛЫЙ ОГОНЬ» ОТВЕЗЕТ ВАС НА СПОРНЫЕ ОСТРОВА!
ВОЗВРАЩЕНИЕ ПОД КОНВОЕМ КОРАБЛЕЙ БЕРЕГОВОЙ ОХРАНЫ ИСПАНИИ!**

Через неделю после опубликования подкорректированного объявления отбою от желающих не было. Валом валили в основном русские, украинские, белорусские туристы обоих полов. «Беглый огонь» ночью выходил из гавани и на полном ходу пересекал Гибралтар. Туристы высаживались на одном из спорных островов, открывали шнапс, пили и трахались так, будто захватили эту территорию и первой задачей посчитали решение демографического вопроса. Порой сутки, двое, пока испанские пограничники не пресекали вакханалию. Вооруженные автоматами, они шумно высаживались на берег, заламывали руки республиканцам и защелкивали «браслеты», снимали с шеста флаг самопровозглашенной республики под названием «Гоморра Федеративная», препровождали судно в Кадис. А дальше принимали от Дечина деньги и спрашивали, когда им снова арестовывать туристов и не пора ли привлечь к акциям вертолеты «Суперпума» или там эсминец «Нумансия», стоящий неподалеку на якоре.

Дечин вышел в коридор и прошел в соседний кубрик. Он не мог унять в себе острой необходимости поговорить с кем-то из команды, сейчас подчиняющейся лично полковнику Юсупову. Полковник был куратором, а точнее, следуя букве «Опус Деи», он являлся их ординатором...

Однако скоро вернулся в свою каюту, закрыл дверь. Включив настольную лампу, вынул из ящика стола лист бумаги, взял ручку. Долго, очень долго настраивался, не зная, с чего начать и кому адресовать эту записку. Подтолкнул себя: главное, написать, а кому адресовать – подскажет время.

Он по привычке оставил место сверху так, словно писал рапорт новому начальнику, не зная его должности, имени. Его рука вывела следующее:

«Епископу было 85 лет. Во всяком случае, так нам сказал полковник Юсупов. Я не помню его имени, но фамилия его – Рейтер, он немец. По словам полковника Юсупова, работал в немецком посольстве в Мадриде».

Дечин продолжил после короткой паузы:

«Полковник Юсупов в этом деле не мог обойтись без нашей помощи. Как и не мог нас обмануть – он говорил правду. Что и подтвердилось. Он сказал нам: вы узнаете ответ на вопрос о двух тоннах золота, которое немцы хранили в своем посольстве в Мадриде».

И Виталий вскоре увидел то место, где все это время хранились золотые слитки.

Он видел их, трогал руками, переносил их, один за другим, из дома почившего епископа.

Сейчас, разгоряченный воспоминаниями, Дечин не задумывался над хронологией, а стилия как такового в его записке не было.

«Мои руки перенесли двадцать один слиток – я считал их. Считал, как свои пальцы, и отчего-то радовался, что не смогу ошибиться. Считали все – даже полковник Юсупов. Он тоже переносил слитки в машину. В какой-то миг мне показалось, я таскаю кирпичи.

Наверное, потому, что ценности в них я не чувствовал. Впрочем, то было лишь мимолетным чувством».

То было вчера вечером. А сегодня моряки надели форму гражданского флота, которую все еще хранили в шкафах. Выйдя за пределы пристани, сели в маршрутное такси, курсирующее по автобусному маршруту, и без проблем доехали до церкви Сан-Фелипе.

– Рано, – обронил Сомов, отмечая время на своих подозрительно дорогих часах. Дечин не раз ему говорил: «Сними. Откуда у тебя часы за двадцать тысяч баксов?» На что Сом упорно отвечал: «А то ты не знаешь». – «Я-то знаю». И этим пререканиям не было видно конца.

Он первым перешагнул порог кафе и огляделся, насчитав около десяти посетителей, в основном пожилых местных жителей.

Хозяин узнал в этих парнях русских. Первый раз он видел моряков в день их принятия в члены ордена. Он не стал проявлять личной инициативы, поступил так, как и сказал ему Юсупов: стал дожидаться, когда они сами спросят, где полковник.

Сегодня вечером он сам обслуживал посетителей. Выслушал заказ и выставил на стойку, вдоль которой устроились на высоких стульях клиенты, бокалы с вином. Он подал лучшее, что у него было: белое францозо с лучших виноградников.

Один глоток, другой, Дечин ушел в свои мысли. Он не думал о грядущем обряде, не пытался представить себе людей, изъявивших желание стать членами ордена. Он вспоминал тот день, когда откликнулся на предложение Мартина «бодяжить чистый героин «белым китайцем».

Команда начала забывать оргии на спорных островах. Передача героина происходила на острове Перехиль. Марокканские наркоторговцы пересчитывали деньги, покупатель проверял качество героина. Ударив по рукам, товар погружали на «Беглый огонь». Потом на судно садились беженцы, появлялся Юсупов, прозванный русскими моряками министром, разрывающим на контролируемой им границе незаконные иммиграционные потоки.

Гоша Мартинов.

Капитана Дечина корежило, едва он произносил это имя или думал о механике катера, этом злом комике или злом гении. Однажды Мартин показал толстую пачку денег и сказал: «Делим на всех». Потом объяснил, как он на свои деньги купил в подворотне приличную партию «белого китайца», а через неделю, когда «Беглый огонь» шел по Гибралтарскому проливу с героинем и беженцами на борту, отсыпал из початой упаковки героин и смешал остатки с синтетиком.

Это было давно. Сейчас капитан, потягивая вино мелкими глотками, вдруг ощутил тревогу. На обряд их пригласил Юсупов. Но гораздо спокойнее было бы на душе, получи они «открытку» от викария лично.

Дечин подозвал хозяина и вполголоса спросил:

– Викарий здесь?

Он хотел напомнить ему параграф из договора:

«Юридическая связь с прелатурой прекращается по истечении срока действия заключенного договора. Или досрочно, по желанию и с согласия руководства прелатуры. Законный выход из ордена влечет за собой прекращение взаимных прав и обязанностей».

Договор походил на контракт на поставку говядины, а также был применим к поставкам героина в Испанию.

«Законный выход? Где он?» – спрашивал себя Дечин. Его в упор не было видно. Секта – это навсегда.

Хозяин кафе не колебался ни мгновения.

– Все уже на месте, вам нужно поторопиться.

Дечин жестом руки поднял сидевшего рядом Мартина и сам встал с места. За ними последовали остальные моряки.

Через полминуты хозяин открыл дверь в подвал и закрыл ее, едва последний гость шагнул через порог.

Глава 4

Главная крипта

1

Музыка. Полифония. В катакомбах духовные кантаты звучали не менее завораживающе, чем в храме при небольшой аудитории и на летней площадке при большом скоплении народа.

Дечину в звуке хора слышались посторонние голоса. Ему казалось, перешептываются десятки людей. Он при неярком освещении даже представил их: выстроившись в круг, они склоняются друг к другу и что-то говорят на ухо, кивают, соглашаясь, или покачивают головами, отрицая, и все повторяется вновь. Голова кругом.

Шкипер никогда не страдал клаустрофобией, но сейчас замкнутое пространство давило на него со всех сторон. И будет давить сильнее, был уверен он, едва перешагнет определенный рубеж. Впереди он видел массивную с медными заклепками дверь. Она открыта и словно приоткрывает, торопит...

Дечин миновал ряд узких колонн. Они лишь в самом верху расширились и походили на гигантские слуховые трубки.

Все уже на месте, вам нужно поторопиться.

Казалось, эти слова выводят вокалисты, их повторяет хор, обыгрывает орган. Источник звука становился все ближе и громче.

Нам нужно поторопиться, повторял Дечин. Но почему раньше никто не поторопил?

У него сложилось ощущение, что он и хозяин кафе обменялись паролем.

Вот и дверной проем. Не широкий, двоим не разойтись. Дечин ступил в зал и тотчас узнал его: сразу за ним, откуда доносилась очередная кантата, – главная крипта. Поневоле он ускорил шаг. Его действия повторили остальные моряки.

Громко. Неестественно громко звучала музыка. Дечин уже морщился. И почему он у самого входа в катакомбы не определил, что в главной крипте можно оглохнуть?

Он не слышал резкого звука газа, вырвавшегося из баллона, не видел полковника Юсупова. А если бы увидел, то не узнал...

Лицо Юсупова скрывалось за маской ПДУ. Он, открыв вентиль на баллоне, быстро отступал к двери. Несколько мгновений, и он закрыл ее. Вставив ключ, повернул его раз, другой, прислонился к двери спиной, расслабился, едва пересилив в себе желание сорвать маску, потянуть носом воздух, определяя наличие в нем усыпляющего газа на основе закиси азота. Рассмеялся, трогая чуть подрагивающей рукой резину, обтягивающую его лицо, и небольшой воздушный баллон портативного дыхательного устройства, рассчитанного на двадцать минут автономной работы.

Он открыл вентиль на баллоне с усыпляющим газом до конца, резервуар опустеет за считанные секунды. Похоже, уже сейчас, когда прошло полминуты, газ *перемешался* с пригодным для дыхания воздухом подземелья.

Перемешался.

Подонки!

Юсупов не жалел о своем шаге. Ему не было жалко моряков, которым он дал многое, а взамен получил нож в спину. Вот сейчас он не думал о том, что фактически спасает себя, – в первую очередь он отдавал должное. Мстил? Пока он такого слова не знал. Самое крепкое выражение, которое вылетало из его рта, – это наказать по заслугам. Он не мог представить, что это крепкое выражение вскоре станет в его представлении самым слабым...

А пока он прислушивался к звукам за дверью. Тщетно. Только Бах. Орган. Вокал. Хор. Только музыка. Наверное, так и должно быть. Сильнодействующий газ усыпляет мгновенно, не дает прийти в себя долгие часы. То, что нужно.

Не снимая дыхательного аппарата, полковник открыл силовой щиток и включил вентилятор. И только после этого открыл дверь в центральную часть катакомб. Подземные коридоры и залы проветрятся не меньше чем через двадцать минут.

На выходе он снял аппарат, оставил его на пороге и скользнул в служебное помещение кафе.

2

О том, что дела у них швах, Дечин понял, едва шагнул... в пустую крипту. Никого. Все это обман, пронеслось у него в голове.

Самый большой и сильный не выдержал первым. Михаил Сомов, ища опоры руками, подался вперед и лицом вниз упал на каменные плиты. Мартин рванул было к нему, но остановился так резко, будто напоролся на стену. Он обернулся к капитану и округлил и без того огромные, ошарашенные глаза. Затем голова его склонилась набок, рот открылся, и с лицом, которое уже ничего не выражало, он повалился на пол.

Дечин смотрел только на него и не видел остальных товарищей, хотя все они были рядом – кто в двух, кто в трех шагах.

У шкипера перехватило дыхание. Он не мог вдохнуть с того момента, когда громадный Сом распростерся в двух шагах от ниши, некогда занимаемой прахом неизвестного священника. Прошли секунды, но их Дечину хватило, чтобы осмыслить ту фразу, явившуюся точно в бреду: *это все обман*. Как в каком-то жутком фильме: ничего нет, оркестра нет, музыкантов нет... его тоже не существует.

Схватившись одной рукой за горло, а другой рукой зажав рот, шкипер ринулся к двери. Он видел ее, ведущую через коридоры в храм. Ударил в нее ногой, по-прежнему не дыша, разбежался, врезался плечом. Тщетно. Дверь построили в позапрошлом веке...

Он медленно опустил голову. Голова разрывалась от звона громадного колокола, огромный язык которого бил то в правый, то в левый висок.

«Я труп без глотка воздуха».

Дечин не знал, какой газ пустили в помещение. Может быть, это боевой отравляющий газ, а может, *безобидный* усыпляющий.

Веселящий.

Нет. Легче умереть от глотка отравленного воздуха, чем от его нехватки.

Он оказался в положении приговоренного к казни в газовой камере. В голове муть перемешивается с чистыми мыслями: при астме человек не может выдохнуть. Воздух остается в легких.

Прежде чем разжать руку и рот, Дечин усталился на широкую замочную скважину...

Он приник к ней губами, как к роднику в засуху, как умирающий от жажды. Он тянул воздух, как через соломинку, его было мало, убийственно мало, но хватало на то, чтобы удерживаться на грани сознания и беспамятства. У него будто разом отсекли большую часть легких, оставив крохотный клочок.

Он рассмеялся в тот миг, когда понял, что уже не дышит через замочную скважину. Когда он отстранился от нее и вздохнул полной грудью, он сказать не мог.

Он мог крикнуть, известить: «Я жив!» Только ангел-хранитель приложил призрачный палец к его губам и, потревоженный кем-то, взмахнул крыльями и скрылся за тяжелыми колоннами.

Оркестра нет. Хора нет.

Кто-то выключил магнитофон.

Пора, отдал себе команду Дечин и, прислонившись спиной к двери, замер, уронив голову на грудь.

Пора проверить, что за газ был впущен в катакомбы.

Юсупов вошел в эту часть подземелья снова с дыхательным устройством. Склонился над одним, над другим телом... Выпрямился. Приподнял маску и, глотнув воздуха, снова надел ее. Он проверял свое состояние, не закружится ли голова, не встанет ли пелена перед глазами, не подкатит ли к горлу тошнота. Он странно смотрелся: в строгом костюме и ПДУ.

Прошла минута. Полковник снял маску, подсумок и положил их на пол. Щелкнул зажигалкой и прикурил сигарету. Выпуская через нос табачный дым, он остановился перед Дечиным, присел на корточки. Вглядевшись в его лицо, легонько ударил по одной щеке, по другой. Словно подслушав бредовые мысли шкипера, с усмешкой бросил по-русски:

– Даже ангелам нет веры.

Дечин старался дышать глубоко, часто и хрипло. Он не знал, как дышат люди под наркозом, но чутье подсказало ему оптимальный вариант. Он даже поворачивал глазами и дернул веками.

Он дышал все так же тяжело, но смотрел уже через приоткрытые веки. Юсупов отлучился на минутку и вернулся с сумкой. Дечин увидел синеватую склянку в его руках. Достав из сумки шприц, полковник втянул поршнем жидкость из пузырька. Подошел к Сомову, прихватив с собой резиновый жгут.

Вот это и есть самое страшное, едва не простонал Дечин. Он, словно отдавая Юсупову должное, начал тестировать себя. Пошевелил пальцами рук, ног, чуть повел шеей, напряг мышцы живота...

«Сейчас?» – спросил он себя, понимая, что Сомову уже не поможешь: убийца сделал ему укол и уже возвращался к сумке за очередной порцией...

Что он снова набирает в шприц?

Неважно.

Важно другое – ни Мартину, к которому подходил Юсупов, ни другим уже не поможешь. Потому что Юсупов расстегнул пиджак, и Дечин увидел оперативную кобуру и коричневатую рукоятку пистолета. Полковник вооружен. Разумеется, он вооружен. И капитан «Беглого огня» представил беглый огонь из пистолета. Сорвись он сейчас с места, полковник откроет огонь раньше, чем он достанет его в любом прыжке – длинном, супердлинном, тройном...

Дечин считал смерти. Сомов, Мартинов, радист уже мертвы. Через две смерти наступит его очередь. И он приготовился достать полковника в самом коротком прыжке, когда у того не хватит времени отреагировать на неожиданный выпад. *А там кто кого.*

Шкипер думал о смерти, но не вникал в самую суть акции Юсупова. Не мог понять, что его товарищи мертвы. Может, потому, что акция носила иной смысл? Ритуальный? Тайный? Сволочи! Сектанты. Дечин сжал кулаки. Но тут же расслабил мышцы – полковник направлялся к нему.

«Когда двинуть его? – прикидывал окончательно оклемавшийся шкипер. – Сейчас? В голень, чтобы он выронил все и забыл обо всем от боли. Нет, не сейчас». Дечин автоматически выбрал подходящий момент – когда убийца присел подле него и чуть подался вперед.

Дечин на подсознательном уровне отмел действия резкими движениями. Он в умеренном темпе согнул ноги в коленях, не отрывая трезвого, осмысленного взгляда с округлившихся глаз полковника. Затем, опершись руками о шершавый пол, сильно выпрямил ноги.

Юсупов отлетел на середину главной крипты и ударился головой об пол.

Одна секунда, две... пять... восемь...

Полковник тряс головой, пытаясь хоть что-то сообразить. Пытаясь освободиться от назойливого голоса, отсчитывающего ему последнюю цифру: девять. Аут!

Этого времени Дечину хватило для того, чтобы добежать до крайнего прохода, выводящего его из катакомб.

Хозяин кафе смотрел на него с оторопью. Он ничуть не ошибся, предположив, что парень вырвался из рук нечистой силы.

Дечин лишь на мгновение задержался у стойки. Он рванул клапан на кармане рубашки, достал лист бумаги и хрипло бросил хозяину, протягивая ему исписанный листок:

– Передай это викарию. Юсупов вас предал, не доверяйте ему.

Глава 5

Восхождение лжеца

1

Сейчас, как никогда раньше, Габриель Морето понял всю глубину святых текстов канонизированного прелата о покаянии. Но не мог пошевелить рукой, поднять голову. Встать с постели в этот ранний час для него означало изощренную пытку. И вот сквозь свинец его неподвижного тела проникло это слово – покаяние.

«Покаяние – это подъем в назначенный час, даже если тело твое сопротивляется, а ум стремится к погружению в химерические сны».

Как же верно это сказано, с ленивым восторгом отметил Габриель, все еще лежа в постели. Если бы не эти строки, проникшие в его разум вместе с первым осознанным в это утро глотком воздуха, он бы отчаянно призывал тот всегда ускользающий, но всегда желанный утренний сон как продолжение тягучего и зачастую неприятного ночного сна.

Утренний сон. Это жизнь после смерти. Райское наслаждение призывать и получать то, чего ты желаешь больше всего на свете. «Но не означает ли это то, что рай и есть химера?» – спросил он себя.

Интересная мысль, требующая тщательного анализа.

Габриель поторопил себя – нужно вставать. Впереди много работы.

«Покаяние – это решение не откладывать на потом без серьезного повода ту работу, которая тебе кажется самой трудной и ответственной».

Для него новый день снова начинался с этого слова. Покаяние знало его умение находить время для выполнения всех его обязанностей – хотя бы перед самим собой. «А перед другими?» – спросил он себя. Может быть; но эта часть требований не была такой сильной, как первая. В конце дня он назовет себя кающимся, если, конечно, он всецело соблюдал свое молитвенное правило – несмотря на усталость, болезнь.

А пока нужно сделать все, чтобы не потерять доброго расположения духа, явившегося к нему во время этих размышлений, походивших на молитву. Наверняка его впереди ждут мелкие огорчения будничной жизни, что зачастую является продолжением работы после того, как пропало воодушевление, с которым ты ее начал.

Габриель встал с кровати и бодрым шагом направился в кухню. День для него начинался с завтрака. Обычно он съедал два яйца всмятку и бутерброд с сыром, выпивал чашку кофе. Он не понимал, кому шлет благодарность за пищу, *им принимаемую*. Наверное, Всевышнему. Принимал ли он ее без капризов и прихотей? Вряд ли. Порой он злился по пустякам – остывший кофе, подсохший сыр, переваренные яйца.

Габриель позавтракал. Смахнув со стола в широкую ладонь хлебные крошки и яичную скорлупу, он выбросил их в ведро. Поймав чей-то взгляд, поднял голову. В доме напротив на третьем этаже он заметил, как дрогнула занавеска. И усмехнулся. Его мать с раннего детства привила ему привычку спать голым. Он надевал белье лишь после завтрака и душа. Вот и сейчас он стоял перед чьим-то, скорее всего женским, взглядом абсолютно голый.

Мероприятие, неожиданно выпавшее на сегодняшний день, наместник прелата ордена в Кадисе назвал в коротком телефонном разговоре «Тревогой». Пусть будет так, сказал себе Габриель с таким выражением лица, точно он и был прелатом, нехотя одобрившим название. Но все дело в содержании, продолжал размышлять он. Название ордена «Опус Деи» – «Дело

Бога», на его взгляд, звучало умиротворенно, чуточку напористо и напыщенно, с легким налетом скепсиса. Габриель Морето, возглавляющий в этой организации службу безопасности, с точки зрения профессионала мог отбросить все нюансы и назвать «Опус Деи» *добывающей структурой Ватикана*. По сути, Габриель стоял во главе службы безопасности мощной разведывательной структуры, чье влияние распространялось на шестьдесят стран и сотни городов всего мира.

В этом году Габриелю исполнилось сорок два. Из них двенадцать лет он проработал в израильской разведке МОССАД и вот уже восемь лет возглавляет «сикрет сервис» ватиканского ордена.

Сегодня ему предстояло иметь дело с таким же, как он, вольнонаемником, но превратившимся в отступника.

Габриель надел темно-серый костюм и таких же тонов рубашку без галстука. Присев на складной стул в прихожей, он надел ботинки и аккуратно завязал тонкие шнурки. Став напротив зеркала, приоткрыл губы, придирчиво осматривая зубы. Они не были идеальной формы, однако блестели так же, как и его кожа на голове.

Сегодня был как раз тот день, когда Габриель брил то, что еще оставалось за ушами и на затылке, затем тщательно выскребывал подбородок и щеки. Парик надевал так, будто примерял его впервые; энергично морщил лоб, поднимал брови, отчего его глаза принимали сонное выражение; именно в такие моменты он был похож на голливудского актера Майкла Мэдсена.

Он взял со столика в прихожей записку, сунул ее в карман пиджака. Припомнил в деталях устное донесение от молодого розовощекого монаха, прибывшего в качестве нарочного. В очередной раз неодобрительно покачал головой.

В этой квартире на юге Кадиса Габриель останавливался всякий раз, бывая в этом приморском городе. Он вышел на площадку, закрыл дверь и сбежал по ступенькам. Отдавая предпочтение японским машинам, он и в этот раз попросил викария предоставить ему «Тойоту Камри» с черным салоном и кожаными сиденьями.

Кадис – небольшой город, чуть больше ста пятидесяти тысяч жителей. Легенда гласит, что город был основан Гераклом. Так или иначе, он датируется 1100 годом до нашей эры. Здесь в то время была финикийская колония, затем обосновались римляне, а много лет спустя – мусульмане. Отсюда в свой последний путь ушла испано-французская флотилия, потопленная в битве при Трафальгаре.

Серебристая «Тойота» с Габриелем за рулем ехала в сторону церкви Сан-Фелипе, известной тем, что во время осады города французскими войсками в 1812 году здесь заседал местный парламент. Миновав церковь, водитель остановился напротив низкого строения, крытого самодельной черепицей, блестевшей под полуденным солнцем.

Габриель вышел из машины, узнавая в белом джипе «Дискавери» машину викария. Открыв низкую калитку, прошел в просторный двор и, миновав его по галечной дорожке, открыл дверь кафе.

В этом заведении, принадлежащем ордену, всегда было тихо и спокойно. Габриель был здесь пять или шесть раз. Ему нравились темная высокая стойка бара, пожилой бармен за ней; узкие столики, где тесновато даже для пары кружек пива и пачки сигарет. Здесь сосновый потолок был испещрен рисунками, созданными природой, а дальняя часть кафе просилась называться нефом. Здесь манила к себе секретная дверь, умело скрытая в конце прохода в служебные помещения и туалет. За ней скрывалось излюбленное место испанского викариата «Опус Деи» для «посвящения в рыцари».

Габриель удобно устроился за стойкой, подозвал хозяина по имени Орент и заказал красного вина с лучших виноградников Коста-Бравы. Орент налил вина в узкий фужер и вполголоса обратился к Габриелю:

– Сеньор Морето, викарий и ординатор ждут вас внизу. Я провожу, – с готовностью добавил он, с неподдельным почтением глядя на главу службы безопасности ордена.

– Не сейчас, – ответил Габриель, пододвинув к себе официальный журнал прелатуры «Романа» и разглядывая на глянцевого обложке жизнерадостное лицо епископа Мельядо.

– Господин викарий попросил вас поторопиться, – стоял на своем Оренд.

Габриель снова проигнорировал настойчивую просьбу хозяина кафе, члена ордена, видимо, с большим стажем. Он наверняка видел самого Хосемарию Эскриву, пусть даже в 1975 году, который стал для основателя и первого прелата ордена годом его смерти. И вдруг спросил об этом.

Бармен покачал своей седой головой:

– Нет, я не видел его. Но я был на его канонизации в Ватикане.

«5 октября 2002», – покивал Габриель. В этот день он тоже был на площади Святого Петра, где собрались паломники со всего мира. Хосемария Эскрива был причислен к лику святых под восторженные крики и гром аплодисментов многих десятков тысяч мирян...

Он допил вино, отверг попытку Оренда вручить ему салфетку. Достав из кармана белоснежный платок, приложил его к влажным губам, оставляя на ткани следы своих губ. Молча кивнул бармену: «Я готов, ты можешь проводить меня».

Габриель шагнул в низкий проем, освещенный изнутри красно-желтоватым светом. Ступив на небольшую каменную площадку, он, прежде чем спуститься по лестнице, ответил кивком на приветствие своих подчиненных – лет тридцати, крепкого телосложения мужчин. Один стоял справа от прохода, другой слева.

Габриелю показалось, он перенесся на полгода назад, во всяком случае, он уже пережил нечто очень похожее шесть месяцами ранее. В тот раз он также опоздал, и прелат, которому по радиации сообщили о приходе последнего припозднившегося участника мероприятия, не видя Габриеля, приступил к обряду.

Та сцена полугодовой давности отчетливо запечатлелась в голове Габриеля, и он вспомнил ее в мельчайших подробностях. Сейчас ему казалось, все повторится: прелат возьмет слово, затем даст его принимающимся в члены ордена, и так будет продолжаться до бесконечности.

2

Петр Юсупов не находил себе места. «Где Дечин?» – спрашивал он себя. Русскому шкиперу, чтобы спасти свою шкуру, надо бежать к викарию, просить аудиенции у прелата. Только это спасет его в целом, в том числе и от преследования со стороны Юсупова.

Есть ли другая сторона? Есть. Полковник пришел к этому выводу, хорошенько поразмыслив. Дечин обязан понимать, что только последовательные шаги самые логичные, простые и надежные. Юсупов имел в виду преступную деятельность экипажа «Беглого огня». Они нарушали территориальную границу Испании, обслуживая клиентов; они были ячейкой в незаконной иммиграции и наркотрафике – они мошенничали внутри этой ячейки; они стали на сторону Юсупова, принявшего раскаяние от умирающего епископа, также нечистого на руку, хотя тот не потратил на себя ни одного грамма золота. И дальше Дечину, единственному оставшемуся в живых, жизненно необходимо продолжить этот список, иначе он сам выпадет из него. Ему нужно встретиться с Юсуповым еще и по той причине, что он все потерял, а вернуть и дать больше мог только один человек – Юсупов. Прелат лишь поблагодарит его за верность ордену, а потом с его уст слетит витиеватая угроза.

Дечин знает о золоте, и это знание убьет его, если он не разделит его с единственным наследником сокровищ. В одиночку ему не справиться. Любой поделщик – свидетель, а может быть, и его палач.

Юсупов хотел убить его. Но неудачная попытка вывела обоих на качественно новый уровень игры и отношений. «Неужели он не сможет этого понять?» – нервничал Юсупов, играя желваками.

С этими мыслями он встретил Габриеля Морето, этого хитрого лиса с зубами акулы.

Внешность главы службы безопасности всегда удивляла Юсупова. Фактически у Габриеля не было шеи. На чем держится его голова, может, на ключицах, – полковник этого не знал. Но его всегда необоримо тянуло расстегнуть на его груди рубашку и посмотреть.

Габриель был обладателем широкой ямочки на подбородке, которая, на взгляд того же Юсупова, была забита грязью. Его шея и щеки, часто небритые, были покрыты родинками и походили на грибные поляны. А что творится под париком?.. Юсупов содрогнулся.

Ходячий кошмар, думал он, отвечая на крепкое рукопожатие «главного вышибалы ордена».

– Давно в Кадисе? – спросил Юсупов, не называя Морето по имени.

– Приехал из Рима вчера вечером. – Габриель приоткрыл в улыбке крупные зубы. – И сразу к вам. Так что случилось? – Он также обделил полковника обращением по имени. – Случилось то, что случилось? Или то, что должно было случиться? – слегка надавил он.

– Именно.

– Покажите, где трупы.

– В главной крипте. Пойдемте со мной.

Они прошли всего несколько метров и оказались под сводами пещеры, ставшей свидетельницей убийства пяти человек. Именно это слово прозвучало сейчас.

– Вы убили их сильной дозой героина? Или?..

– Или. Смесью героина и триметилфентамила.

– В той пропорции, на которой они зарабатывали деньги? – с первого раза угадал Габриель.

– Да, – ответил Юсупов.

– Знаете, что я думаю о русских?

– Не знаю.

– Я могу дать им определение одним трафаретом-поговоркой: русские в ненастье избы не кроют, а в хорошую погоду крыша и так не течет.

Полковник коротко рассмеялся.

Габриель остался непонимаем.

– Тот, что сбежал, – он в задумчивости почесал подбородок, глядя на Юсупова исподлобья, – его фамилия не Распутин? Я к чему это говорю. Снотворное на него не действовало, лошадиная доза героина и «белого китайца» его не убила. Смею надеяться, что дорожно-транспортное происшествие ему тоже не грозит.

– Я не успел ввести ему наркотик.

– Вот как? – Габриель сделал вид, что удивлен. – Расскажите.

Юсупов провел беспокойную ночь. Он до двух часов просидел в кафе, маринуя там клюющего носом хозяина. В начале третьего решил наконец-то побеспокоить настоятеля церкви скверным известием.

Габриель слушал рассказ полковника, часто и не к месту кивая, склоняясь зачем-то над трупами с таким видом, будто от мертвецов зависела его репутация. Он и свой подбородок почесывал с намеком на небритого ординатора.

– Значит, – перебил он Юсупова, – епископ дал вам команду устранить экипаж?

– В общем... да.

– Очень странная команда. – Габриель пожевал губами, будто повторял эту фразу про себя. – Раньше я ничего подобного не слышал. Возможно, вы его не так поняли. Перепутали. Что именно сказал прелат, сможете повторить?

– Дословно.

– Итак?

– «Порой служение Богу требует совершить смертельный грех. Отнять жизнь у человека также считается жертвой во славу Господа нашего. Они прошли обряд присоединения к ордену в главной крипте. Здесь должна оборваться нить, связывающая их с «Опус Деи». Дальше прелат попросил пригласить русских на собрание.

– Все?

– Да.

– Черт возьми, это серьезно. Я-то подумал, имел место тонкий намек. Но почему вы поспешили? Собрание назначено на сегодня, а вы прикончили их вчера.

– Не мог поступить иначе. Я посчитал это личным делом.

– Понимаю. Вы рекомендовали русских моряков, их приняли в «Опус Деи», и вы за них в ответе. Что же, хороший ответ. – Габриель повторил, глядя себе под ноги: – Хороший ответ. Я бы сказал, по всем статьям. Слова прелата о смертельном грехе и оборванной нити вы приняли как приказ к действию. Вы напрочь отменили мысль о том, что епископ говорил о *запуганных* жертвах во имя Господа Бога. Я вас прекрасно понимаю. Кроме одного. Кроме вот этого. – Он расстегнул пиджак и вынул сложенный в несколько раз лист бумаги. – *Verba volant, scripta manent*, – Габриель хохотнул. – Эта штука могла стать предсмертной запиской, не упусти вы... как там его, Дечин вроде бы. Он пишет про восьмидесятипятилетнего епископа: «Я не помню его имени, но фамилия его – Рейтер, он немец. По словам полковника Юсупова, работал в немецком посольстве в Мадриде».

«А вот это конец», – промелькнуло в голове Юсупова. Фиаско? Нет, слишком красиво для натурального провала. Провала авантюры. Только сейчас смысл акции дошел до него. И он не стал прятать от Габриеля своего настроения. Словно отдавая должное его фальшивому смешку, сам Юсупов неподдельно рассмеялся. У него сложилось ощущение, будто Габриель усыпил всех, кроме него, и ждет развязки. Он предугадал его вопрос: обладателем какой же суммы является полковник ВМС Испании? По самым скромным расчетам – сорок миллионов евро.

Возможно, его смех стал сигналом к началу активных действий. Юсупов увидел двух людей Габриеля. Они возникли по обе стороны от шефа и были готовы выхватить пистолеты.

– Хотите доставить меня в Рим?

Юсупов задал не праздный вопрос. Он тянул время и выяснял одну очень любопытную деталь. По всем канонам он, отступник от истинной веры, предатель учений Хосемарии и вор, был обязан предстать перед прелатом Мельядо, который в согласии с церковным правом и уставом «Опус Деи» руководил орденом из Рима. Но это означало другое – тайна мадридского золота также приближалась к Ватикану. В интересах ли прелата ордена такое опасное сближение?

На этот вопрос ответил Габриель:

– В Риме нас не ждут. Епископ Мельядо будет здесь с минуты на минуту.

– Он действительно забыл свое расписание. – Юсупов снова рассмеялся. – Золото пошло по кругу. А это непристойно, не находите?

Полковник готовился показать двум мордоворотам и их начальнику без шеи показательную стрельбу из «беретты» «мини-кугуар».

Весивший меньше восьмисот граммов «кугуар» имел укороченную рукоятку. И она привычно вписалась в ладонь Юсупова. С уходом в сторону он выхватил пистолет и отстрелялся до того, как охранники обнажили свои стволы. Он стрелял от бедра, не целясь, и выпустил половину обоймы.

Пули, как замороженные, прошивали тела охранников и миновали квадратное тело Габриеля.

Юсупов уходил в сторону церкви, полагая, что путь через кафе ему заказан – Габриель мог выставить там пост. Полковник оставлял здесь пять трупов русских моряков, двух тяжело раненных охранников-итальянцев, а также их контуженного шефа. Он оставлял их здесь со словами епископа Мельядо: «Порой служение Богу требует совершить смертельный грех. Во славу Господа нашего». Он обрывал нить, связывающую его с орденом на протяжении пятнадцати лет.

Глава 6

Шестой Иуда

1

Прелат отказался от предложения Габриеля Морето спуститься в катакомбы...

Он приехал в Кадис в начале двенадцатого и на протяжении десяти минут слушал бесвязную речь викария. Собственно, ему было наплевать, где во время стрельбы находился настоятель, что испытал при этом, что еще долго будет помнить, – епископ первым делом попросил подняться к нему Габриеля. Он сказал это усталым голосом начальника, чей офис находился на последнем этаже высотного здания без лифта.

Выслушав Габриеля, Мельядо отказался от вопроса, какие шаги намерен предпринять разведчик. Габриель Морето специалист, ему и карты в руки. Епископ лишь уточнил:

– Думаю, не стоит повторять, какое значение играет в этом деле золото.

«Оно стоит во главе «Дела Бога», – едва не вырвалась у Габриеля крамола. Пожалуй, он был единственным приближенным к прелату, кто позволял себе ересь и крепкие выражения. Епископ сносил это по причине невежества своего подчиненного, который не был «братом во Христе».

Епископ в это время подумывал над тем, как скрыть от Ватикана по сути уже нашумевшее дело. Во-первых, размышлял он, необходимо списать то, что имело место в доме Вильгельма Рейтера, на бред умирающего епископа. Бред, в который поверил Юсупов и заразил этим некоторых младших членов братства. Пятеро из которых уже были на небесах.

Забегая вперед, Мельядо перебирал в уме варианты отмывания золота. Он мог сделать это в Швейцарии через сеть подставных компаний.

Он слушал доклад подчиненного и перечитывал записку русского шкипера, написанную на испанском языке. Подумал, что недостаточно эффективно форсировал открытие центра «Опус Деи» в России. К этому времени резиденции были открыты в Словении и Хорватии, на очереди центр в Латвии⁷. Попытался сосредоточиться на заключительных словах Габриеля Морето.

– Я знаю, в каком ключе будет соображать Юсупов. Собственно, у него один вариант: уйти от преследования, погрузиться на дно в какой-нибудь стране. Причем надолго. Два года – минимальный срок. Пока мы не бросим его поиски. Но мы продолжим в любом случае. Когда мне исполнится восемьдесят, я все еще буду искать его.

– Мне стукнет сто, – легко подсчитал Мельядо.

Габриель пропустил грустное замечание прелата мимо ушей. Он продолжил:

– Его будут искать испанские власти, включая полицию и национальную службу министерства обороны, во главе которой стоит карьерный дипломат...

– Я знаю его, – перебил епископ. – Дальше, пожалуйста.

– Я упустил Юсупова, и теперь его поимка – дело чести...

– Обойдемся без громких заявлений, – перебил прелат, досадливо наморщившись.

Габриель объяснил, как и с чего собирается начать поиски другого человека – Виталия Дечина.

– Собственно, первый шаг к переговорам сделал сам русский шкипер, передав записку хозяину кафе. Зачем он сотворил эту глупость? – Габриель этого понять не мог. – Он же

---

⁷ Центр «Опус Деи» в Латвии открылся в 2004 году.

фактически оторвался от преследования Юсупова. Он открыл козырь, который помог бы ему серьезно поторговаться. Я не идиот, монсеньор, и даже без записки вытянул бы из Юсупова всю правду.

– Считаешь, шкипер будет искать встречи с нами?

– У него нет другого варианта. Кроме одного. – Габриель выдержал короткую паузу. – Сложившаяся ситуация может ему подсказать неординарный ход: искать встречи с Юсуповым. Объединение этих двух негодяев сулит нам массу проблем.

Прелат изящно выгнул бровь:

– И?..

– Проблем не будет. Поскольку оба попали в глубокий цейтнот и не знают, как найти друг друга.

2

Габриель Морето никогда не задумывался о представительстве службы безопасности ордена хотя бы в Кадисе. Это означало иметь помощника и кучу соответствующих проблем. А с учетом всех стран, где орден имел влияние и резиденции, количество помощников подскакивало до шестидесяти. В представлении Габриеля – до небес. Он поставил работу таким образом, что в каждом центре у него были свои люди, включая осведомителей. Он управлял службой из Рима, где неподалеку от штаб-квартиры ордена у него был приличный офис. А здесь, в Кадисе, ему хватало связи – сотовой и спутниковой в защищенном режиме.

На очередной телефонный звонок Габриельотреагировал ворчанием: «Кого еще там черти несут?» В этой связи вспомнил своего отца, его вечную отговорку: «Я не ворчу. Говорю по-стариковски то, что мне не нравится».

В этот поздний час Габриель находился в гостевом доме. Приехал сюда немного отдохнуть, выпить бутылку вина, подумать об обильном ужине, отказаться от него и передумать. Нажраться до отвала и тут же уснуть, оказаться во власти кошмаров.

На связи был викарий. Его голос возбужденно подрагивал в трубке:

– Только что позвонил Дечин. Он в панике. Не знает, что делать. Я назначил ему встречу в церкви.

– За каким чертом вы это сделали?

– Что вы сказали?

– За каким чертом!! – как бык, взревел Габриель. – Разве нельзя было связаться со мной по другому телефону, пока Дечин был на связи с вами? Вы не догадались дать ему мой номер?

– Об этом я не...

«Урод! Вот урод!»

– Есть возможность связаться с Дечиным и перенести хотя бы время встречи?

– К сожалению...

Габриель в сердцах бросил трубку на кровать. Живо представил себе викария, эту отвратительную свиную тушу.

Придется не просто ехать в церковь, а ехать срочно.

Сыщик надел пиджак, туфли. Вышагивая по пустынному в этот час коридору апартаментов, он отчетливо представил бурлящий жизнью старый город в районе площади Мина. Там вино, пиво льются рекой; в этих хмельных водах плавают беззаботные люди, а некоторые натурально тонут.

Заняв место за рулем «Тойоты» и выехав на дорогу, Габриель поставил себя на место Петра Юсупова. Без труда вычислил место, куда придет Дечин. Точнее, он понадеялся на свой единственный шанс избавиться от свидетеля. Не зная контактного телефона главы службы безопасности ордена, будучи ответственным за смерть десятков наркоманов, за участие в нарко-

трафике и незаконной иммиграции, Дечин ходил по лезвию ножа. Значит, для него смерть – шаг в сторону. В данном случае, и это прозвучало каламбуром, – шаг в сторону церкви.

Юсупов сидел в машине марки «Форд» с затемненными стеклами. Машину он припарковал около четырех часов тому назад рядом с бензозаправочной станцией. Пребывая с винтовкой в руках, он поймал себя на мысли, что похож на чикагского маньяка.

События завертились с такой скоростью, что просчитать хотя бы на шаг вперед для полковника было бы удачей.

Часто качая головой, он видел себя то ли не на своем, то ли на другом месте. Его тянули в разные стороны две главные составляющие – свидетель и собственная безопасность. Последняя, без отрыва от первой, – пустой звук. Так что Юсупов, руководствуясь шестым чувством, не мог ошибиться.

Он держал в руках винтовку «блейзер» с патронами класса «магнум» повышенной мощности – калибра 7,62. Эта немецкая винтовка отличалась своим фирменным затвором с прямым ходом, что обеспечивало ей высокую скорострельность.

Юсупов отрегулировал ложе и ход спускового крючка под себя семь лет назад, будучи на охоте, там же пристрелял винтовку.

Опустив стекло со стороны водителя, он смотрел не на церковь, расстояние до которой составляло не больше семидесяти метров. Он отмечал каждую мелочь на участке дороги, ведущей к церкви. У человека, на которого он охотился, будет возможность сделать двадцать – двадцать пять шагов по этой дороге.

Юсупов оказался в скверной ситуации. Его уверенность с каждой минутой таяла. Он зывал шкипера, шепча его ненавистное имя:

– Давай, Виталий, давай.

Он поменял позиции относительно шкипера. Если раньше он отдавал предпочтение его последовательным шагам, то теперь вернулся к прежней точке зрения: Дечину, чтобы спасти свою шкуру, надо обращаться к викарию. Уже давно пора.

– Давай, иудушка...

Но Юсупов был уверен в себе. Про него на военно-морской базе говорили: «Ему только покажи цель». Сейчас он просил небо послать ему цель. И его мольбы дошли до Всевышнего.

Мощный приток адреналина подсказал ему, что в машине марки «Пежо», медленно свернувшей к церкви, сидит его основная головная боль. Судорожно сглотнув раз, другой, полковник повернулся в кресле и взял оружие наизготовку. Руль ему не мешал – он сидел на месте пассажира. И ствол винтовки смотрел в противоположное окно.

«Пежо» остановился. Открылась задняя дверца, выпуская Дечина. Он бегло оглянулся, склонился к водительской дверце, что-то сказал, кивая, и слегка постучал по крыше, выпрямляясь. В руках он держал полупрозрачный пластиковый пакет.

Юсупов играл у себя на нервах, когда чуть опустил ствол винтовки и в четырехкратную оптику попытался разглядеть, что в пакете.

Шкипер отмерил десять излишне торопливых шагов. Потом еще пять... Юсупов не преминул отметить, что тот с каждым шагом обретал уверенность.

И сам не спешил, понимая, что «шестой иуда» уже его, он держит его жизнь в руках, только он один знает, сколько тому осталось до смерти.

Дечину осталась до нее всего пара шагов.

Он потянулся к церковной двери. Юсупов потянул спусковой крючок.

Глушитель поглотил звук выстрела, лишь металлический стук затвора выдал его.

Пуля попала капитану «Беглого огня» под основание шеи под небольшим углом. Юсупов зафиксировал место попадания и опустил винтовку. В один выстрел он уложил два, в том числе и контрольный.

– Теперь ты есть, что ты есть, – обронил Юсупов на прощанье.

Габриель Морето стоял над телом русского капитана и с каждой секундой отступал от него все дальше – по мере расплывания кровавой лужи.

Он опоздал на минуту, может быть, чуть меньше. Усмехнувшись, поправился: приехал в самый раз. Посмотрел на бензоколонку и легко представил не один, а два выстрела. Нашел в себе силы послать Юсупову мысленный месседж: «Мы встретимся. Пусть не скоро, но встретимся. Теперь ты моя головная боль. А я – твоя. Ты сам станешь искать меня».

У Юсупова была шестнадцатилетняя дочь. Первое свидание с Дианой Юсуповой Гарсией, получившей фамилию отца, за которой следовала первая фамилия матери, Габриель решил отложить на месяц. Вполне возможно, полковник за эти тридцать дней попадет в щупальца ватиканского спрута.

3

«Беглый огонь» стоял на удалении от внешнего рейда, но в видимости нережимной портовой зоны Кадиса, расположенной вне огражденных участков, освещенной в этот предутренний час так же, как и общепортовые, тыловые и пассажирские зоны этого мощного транспортного узла.

Габриель сидел в остроносом катере «Гроссвинд». Посматривая на внушительный, возвышающийся над катером борт траулера, он представлял его в открытом море. С «дикими» туристами на борту он мчит к марокканской границе, высаживает пассажиров на необитаемом острове, уходит от мнимой погони.

К этой минуте тела рядовых членов экипажа были подняты на борт «Беглого огня». А капитана судна бросили за борт, привязав к ногам якорь.

Один из подчиненных Габриеля перегнулся через борт, окрашенный в черно-желтые цвета, и знаком показал, что все в порядке. Затем жестом пригласил начальника подняться на палубу.

«Зачем он все время жестикулирует? – психовал Габриель. – Глухонемой он, что ли, или считает таковым меня?»

Несколько минут назад его люди проверили работу машины, определили количество топлива в баках. Его хватало на то, чтобы траулер пересек Гибралтар и вторгся в территориальные воды Марокко.

«Беглый огонь» чадил нещадно. Ветерок, дующий ему в корму, окутал выхлопами «Гроссвинд», накрыл Габриеля, единственного пассажира на этом скоростном катере с мотором в двести лошадиных сил.

– На кой хрен мне подниматься? – ответил он вопросом на вопрос. – Если все готово, отправляй наших друзей в плавание.

Помощник Габриеля остался на борту траулера один. Раздевшись, бросил одежду в кокпит катера и скрылся в рубке. Через минуту послышался рокот мотора. Черный дым снова окутал катер. Но в этот раз ненадолго. Помощник дал траулеру полный газ, выбежал из рубки и рванул к корме. Задержавшись у кормового ограждения на мгновение, он кинулся в пенистую воду.

Габриелю на миг показалось, его человек попал под винт. Он даже возбужденно выкрикнул: «Готов!» – словно на самом деле желал ему смерти. Но вот его голова показалась из воды. Пловец быстро достиг катера и без посторонней помощи влез на борт. Надевая рубашку, он проследил за курсом «Беглого огня». Траулер шел курсом юго-восток, пока еще вдоль испанского побережья, с каждым метром удаляясь от аванпорта Кадиса.

Габриель отдал команду рулевому, и «Гроссвинд» помчался, оправдывая свое название, с такой скоростью, что в ушах пассажиров засвистел ветер.

«Беглый огонь» превратился в «Летучего голландца». На его борту были лишь мертвецы. В стекло рубки смотрели мертвые глаза здоровяка Сомова. Рядом с ним лежал Мартин. Остальные тела – в кубриках. Не на своих местах, но вместе. Команда словно взбунтовалась, низвергла своего капитана и предложила ему пройти по доске.

«Голландец» не долго шел установленным курсом – капроновый фал, удерживающий штурвал в одном положении, ослаб, и траулер повернул к испанскому берегу. Он несся к военно-морской базе Рота. Военные – испанцы и американцы – даже не успели открыть по нему огонь. Траулер пробороздил килем песок и врезался форштевнем в бетонное сооружение на берегу. К судну долго не решались подойти, считая его брандером басков или арабов. И только после обследования его саперами базы на борт поднялись агенты морской полиции США.

Глава 7

Скрытый стиль

1

Москва, три года спустя

*Начальнику Главного штаба ВМФ
адмиралу Ю.В. Черненко
от начальника разведки ВМФ
контр-адмирала В.Н. Школьника
Аналитическая записка*

Предлагаю подвергнуть коренному переустройству структуру агентурно-боевой группы Евгения БЛИНКОВА (далее АБГ) с обоснованием, изложенным ниже. АБГ БЛИНКОВА на протяжении двух лет выполняла задания разведки флота, имея «крышу» в испанском отеле, выкупленном на деньги самих агентов. Напоминаю, что агенты не подпадали и не подпадают под статью «наемничество», поскольку на время выполнения задания каждый имел защиту в виде контракта, заключенного между ними и Минобороны, «о прохождении военной службы в кадрах конкретной воинской части». Также считаю себя обязанным напомнить, что контракты имели силу лишь в случае успеха агентов БЛИНКОВА. В случае провала агенты оставались один на один с законами страны, на территории которой они проводили спецоперацию.

Считаю, что на данный момент АБГ на основании личного дела, имеющегося в распоряжении спецслужб ряда стран, может осуществлять свои полномочия под легальной «крышей» частного бюро расследований.

В качестве руководителя частного агентства предлагаю свою персону.

Виктор Школьник

Юрий Черненко, накануне примеривший погоны адмирала флота, посчитал свою миссию чертовски трудной. Он вызвал к себе шефа разведуправления и держал его предложения под рукой, словно это было короткое, но емкое досье на подчиненного.

Одетый в строгий костюм, Черненко встретил Школьника крепким рукопожатием:

– Проходи, Виктор Николаевич, садись.

В просторном кабинете было прохладно. Два адмирала устроились друг против друга на мягких стульях. Черненко предложил Школьнику сигарету, тот отказался. Начштаба подумал: «С чего бы это?» Обычно беседы, деловые или дружеские, начинались именно с этого.

– Мы ознакомились с твоими предложениями, – начал разговор Черненко.

Школьник легко расшифровал его «мы». По меньшей мере его записку разбирал триумвират: начальник штаба флота, командующий флотом и шеф военной разведки. И эти три лица пришли к соглашению. Что именно они постановили, Школьник очень скоро узнает. А пока он, пользуясь паузой (Черненко разминал в пальцах сигарету и готовился прикурить), пытался угадать, что заложили в устный договор три высших чина флота и армии. Наверняка они поставят ему условия. А ситуацию поручили разрулить Черненко.

Школьник торопился сам и торопил старого товарища.

Черненко взял со стола аналитическую записку и помахал ею так, словно на ней еще не просохли чернила. Однако она была написана полтора месяца назад.

- Ты отдаешь себе отчет в том, что ставишь на карту?
- А в чем дело? – Пятидесятидвухлетний адмирал наигранно выкатил глаза. – Считаешь мои предложения пробным шаром, который может перелететь через борт?
- Когда ты марал бумагу, задумывался над стилем? Только не спрашивай: «А что?» Твои предложения составлены в смешанном духе аналитической записки и отчета. Но ты сам, того не замечая, заложил третий стиль – рапорта об отставке.
- Мои предложения нашли ваше одобрение?
- Черненко недовольно скривился и скопировал тон собеседника:
- Ты приблизился на расстояние выстрела в упор. Перейдем к блицу. Положительные стороны твоего шага.
- Первое. Отпадет необходимость скрывать личности агентов, и так хорошо известных в мировом разведсообществе. Считаю это одним из главных моментов, который ранее мог нанести непоправимый вред агентурной группе.
- Говоришь о «визитной карточке»?
- Да.
- Второе?
- Второе. Сохранение агентурной группы как профессиональной и уникальной единицы.
- Третье. Сохранение базы на испанской территории.
- Полагаешь, смена статуса группы исключит сам факт ее нахождения в Испании как иностранной развед-единицы?
- При том условии, что она вовремя легализуется в частную структуру.
- Есть четвертый пункт?
- Да. В стиле рапорта.
- Только коротенько.
- Руководство военной разведки в лице куратора группы капитана Александра Абрамова сможет принимать заказы не только от частных лиц, но и от государственных, общественных и других организаций. Это означает тесное сотрудничество со спецслужбами других стран, где главную роль будет играть «задокументированная» репутация команды Блинкова.
- Все?
- Есть примечание.
- Меня интересует, как будет реализован вопрос о регистрации частного агентства в Испании.
- Как раз об этом я и хотел сказать. Прежде всего, под предлогом более приемлемых услуг на придание законной силы организации, имеющей юридический адрес в комплексе зданий, выкупленных у правительства Испании в 2004 году. Что не противоречит законам этой страны.
- Свою персону ты предложил мотивированно? – поинтересовался начштаба.
- Да, – кивнул Школьник, – по следующим соображениям. С августа позапрошлого года по июнь нынешнего я лично находился в тесном контакте как с Абрамовым, так и непосредственно с агентами.
- Ну да, лично отдавал им приказы, согласовывал рабочие моменты, неделями торчал на испанской базе. Другие причины есть?
- Мой стаж работы в ВМФ. Он позволяет мне выйти в отставку, но продолжить работу на разведку в ином качестве.
- Черненко долго молчал. Наконец, дал Школьнику возможность взглянуть на шапку его записки. В правом верхнем углу стояла резолюция шефа военной разведки: «Не возражаю». Что для адмирала означало скорую встречу со «Спрутом» в «Аквариуме».
- Черненко глубоко затянулся и выпустил дым в сторону.
- Обговорим наши взаимоотношения, права и обязанности сторон.

– С одним условием, – перебил его Школьник. – То, что вы хотите, и то, что я смогу дать, – совсем разные вещи.

– Ты еще не уволился со службы и не возглавил частную организацию.

– Организацию со специализацией разведывательных и оперативных функций, – дополнил Школьник.

Черненко не стал спорить, а взял дополнения товарища на вооружение.

– Согласен. В Испании мы заполучим теневого резидента военной разведки, и в этом плане твои личные возможности в получении информации уже сейчас оцениваются очень высоко. Так что твои возможности совпадают с нашими желаниями.

Школьник рассмеялся. Больше по причине явного облегчения, сочными красками написанного на его лице: «Быть на службе и служить – это разные вещи». Его давно манил отель «Берег мечты». Там он был свободен, открыт в своих чувствах и желаниях. Единственная деталь, которая ему не нравилась, – это призрачная гостевая карта с его псевдонимом «Нахлебник». Пусть не так резко, и все же Виктор Николаевич, сыгравший главную роль в легализации преступных денег агентов, зачастую чувствовал себя на испанской базе не в своей тарелке.

– Меня интересует человеческий материал – с кем ты будешь работать. С ними ты теперь наравне.

– Да, плюс какая-то дистанция, – уточнил Школьник. – В основном это люди тебе известные. Капитан Абрамов. Курировал разведчиков в Крыму, где зарекомендовал себя как военный следователь. Два года назад он возглавлял отдел в моем управлении. Члены агентурной группы тебе хорошо известны.

– Ваши связи за рубежом.

– Во-первых, это начальник отдела противодействия терроризму британской контрразведки. Он был завербован лично Блинковым во время спецоперации на Мальдивах. Тебе не стоит докладывать об этом ни командующему, ни шефу ГРУ. Считаю, офицер МИ-5 на связи – это работа команды, имеющей легальный статус. У меня и дальше могут появиться контакты, о которых я не упомяну ни в одном отчете.

Черненко надолго задумался.

– Сколько времени тебе нужно, чтобы запустить бизнес? – спросил он.

– Семи дней хватит.

– Точно?

– Да.

– В Москве ты бы и в месяц не уложился. Помнишь, я говорил о третьем стиле?

– Помню, – кивнул Школьник.

– Пиши рапорт об отставке. Жаль, но ты поторопил время на восемь лет. Еще мне жаль расставаться с тобой. – Черненко хмыкнул. – Похоже, я начинаю ревновать тебя к новой работе, к новому окружению.

Школьник ответил шефу афоризмом:

– Жены ревнуют нелюбимых мужей.

– Кто тебе сказал, что я ревную тебя как жена?

– Пожалуй, я пойду, – заторопился Школьник, – иначе мы договоримся до чего-нибудь очень интересного.

Испания

Камилла, названная так в честь королевы древнего племени вольсков, примеряя костюм в спортивном стиле, отметила: отличный выбор для сегодняшнего вечера. Свободные брюки, пиджак, футболка с капюшоном – все это нежно-салатного цвета – были ей к лицу. Расчесав сандаловым гребнем длинные волосы, она подхватила сумочку и вышла из дома.

Возле «Мерседеса» с распахнутой задней дверцей ее подждал Томми Вальдес. Он протянул женщину за талию и поцеловал в щеку:

– Отлично выглядишь, дорогая!

Камилла Гарсия улыбнулась. Она знала, что в свои сорок лет выглядит на тридцать. А Вальдес в свои тридцать два смотрится на пару лет старше.

Томми помог ей сесть в машину и занял место за рулем.

– Где мы будем ужинать? – спросила женщина. – Хочется чего-то нового.

– Вчера я набрел на роскошный отель, – ответил Вальдес, выезжая на шоссе. – Там есть два ресторана и отличный выбор блюд. Я попробовал грибное ризотто. Уверен, и тебе понравится.

– Творожный сыр, пряные травы, – улыбнулась она. – Ты знаешь мой вкус.

– Мы вместе уже три года, – неосторожно напомнил Вальдес.

– Кстати, где находится этот отель?

– В Порт-Авентуре.

– Боже, там всегда шумно, – запротестовала Камила.

– Только не в отеле «Берег мечты». Я сам не представлял, что рядом с парком есть такое тихое местечко. Скоро ты все увидишь собственными глазами.

– Ты говоришь как владелец этого заведения. Ты, случаем, не купил его?

Вальдес поймал в панорамном зеркальце насмешливые глаза подруги.

– Оно нерентабельное. Не хочешь пересесть на переднее сиденье?

Она покачала головой: «Нет». И подсчитала: восемьдесят километров пути.

– Не далековато для обычного ужина?

Томми промолчал.

Впрочем, она знала ответ. Он был заключен в двух словах: «роскошный отель». Томми наверняка позаботился о роскошном же номере на эту ночь. Что же, подумала женщина, соглашаясь с выбором своего любовника: даже несколько часов вдали от суетливой Барселоны стоили долгого пути вдоль средиземноморского побережья.

Вальдес вел машину на высокой скорости. Уверенности ему придавала поза: он далеко откинул спинку кресла и походил на автогонщика. Все так, если бы не его деловой костюм и вечный галстук.

В салоне машины было прохладно. Кондиционер поддерживал заданную температуру в пределах восемнадцати градусов. Камила перегнулась через сиденье и отрегулировала его по-новому, прибавив еще четыре деления на шкале. Вальдес выразил неудовольствием тем, что повел шеей. Ему жарко. Наплевать. Пусть терпит.

Он припарковал машину напротив отеля, помог спутнице выйти и дал ей немного времени, чтобы осмотреться.

Они вошли в новый зал ресторана, который почти не отличался от основного зала, выполненного в стиле крытой колоннады, и заняли свободный столик в старом зале. Пока Камила изучала меню, Вальдес, не обращая внимания на официанта, прояснил некоторые детали.

– Вчера я разговаривал с одним из владельцев отеля. Его зовут Александр Абрамов. Я обратил внимание на перепланировку ресторана.

Томми глянул на женщину, проверяя, какова будет ее реакция на *русское имя*. Похоже, она этого даже не заметила. Отлично, обрадовался он.

Камилла огляделась.

– Разве перепланировка бросается в глаза? Я этого не заметила.

Вальдес – бизнесмен в области строительства – не сумел скрыть снисходительной усмешки.

– Я заметил это с первого взгляда. Даже точно определил сроки: перепланировка ресторана заняла не больше двух месяцев. – Он прикурил и пустил дым в потолок. – Две недели назад Абрамов, принимая работу испанских строителей, назвал ее чудом. Эту работу он сравнил с возведением тоннеля, когда одна бригада идет навстречу другой и в контрольной точке они встречаются.

– Боже, как интересно. – Камила демонстративно закатила глаза.

– Рушится последний метр земли, – продолжал Вальдес, не замечая ерничанья женщины, – и рабочие радостно приветствуют друг друга. Именно по такому принципу была задумана и завершена в кратчайшие сроки перепланировка здания. Основное помещение ресторана приросло не менее вместительным местом, и только после этого была снесена часть несущей стены. На этом месте образовалась аккуратная арка, соединившая два зала. – Вальдес указал рукой на дугообразный проем. – Теперь ресторан гостиницы может принимать и постояльцев, и случайных клиентов. Я поинтересовался стоимостью работ. Черт возьми! Я бы выполнил заказ за меньшую сумму.

Камилла оторвалась от меню и наградила спутника насмешливым взглядом.

– Ты привез меня для того, чтобы оседлать любимого конька?

– Именно, дорогая!

– Фу, как пошло! Сделай милость, Томми, расскажи все, что ты знаешь о строительстве в этом отеле, и закрой эту тему.

– Пожалуйста, – ничуть не тушуясь, отозвался Вальдес. – Собственно, администрация отеля решала определенные финансовые трудности, связанные с дороговизной номеров. Второй зал ресторана, через который мы вошли, и стал решением этой проблемы. Здесь, считают они, лучшее место для спокойного отдыха и деловых переговоров. Я попал в точку, когда в шутку предложил Абрамову установить в комнатах звукозаписывающую аппаратуру. Как выяснилось, с каждым днем администрация все больше отходила от первоначального проекта бизнес-туров по индивидуальным заказам. Все это плюс мощная служба безопасности плавно подвело владельцев к решению открыть агентство с набором схожих услуг. Не исключено – сыскное. Абрамов об этом ничего не сказал.

– Надеюсь, ты беседовал с ним не дольше, чем рассказывал мне о нем.

– Четверть часа, – ответил Томми, не распознав шпильки. – Мы обменялись визитками.

– Разумеется. Как же иначе. Меня от этого тошнит, как от сигареты натошак. – Камила сделала заказ и попросила официанта добавить в ризотто больше перца и базилика. И только после этого осмотрелась в уютном затемненном зале. Колонны, составляющие архитектурное целое, а между ними столики с канделябрами и витыми свечками, вазы с цветами. Отсюда открывался красивый вид на море, пляж, бассейн с пресной водой, оборудованный искусственной волной, на мост с каменным парапетом, который достойно смотрелся на фоне зеленых пальм и вазонов с лавандой и жасмином. В этот вечерний час отель был эффектно подсвечен мягким неоном.

На маленькой округлой сцене расположились музыканты. Сейчас они исполняли нестарейший хит «Иглз» «Отель «Калифорния» в акустическом варианте. Играли они классно.

Камилла дослушала мелодию до конца и первой, обращая на себя внимание посетителей ресторана, наградила музыкантов аплодисментами.

Вальдес этого не любил, однако поддержал спутницу, пару раз хлопнув в ладоши, и стал вторым, кто таким образом отблагодарил музыкантов.

Камилла обратила внимание на солиста, одетого в джинсы и темную майку. Высокий, поджарый, с длинными волосами, он исполнил «Калифорнию» без малейшего акцента. Он оставил высокий стул и сошел со сцены. Женщина проследила за ним взглядом.

– Свернешь шею, – заметил Вальдес. – Объект твоего внимания занял не очень выгодную позицию. Сел у самого выхода. Думаю, намеренно. Или он подрабатывает еще и вышибалой.

Вышибала. Только сейчас Томми Вальдес пришел к выводу, что этот парень походит на тот тип ресторанных вышибал, которые до поры до времени незаметны за мясистыми качками, призванными устрашать своим видом.

– Мы ссоримся? – нахмурилась Камила. Не отрывая взгляда от лица любовника, она представила следующую сцену: напротив столика останавливается изрядно подвыпивший бугай в шортах и хрипло обращается к Томми на скверном итальянском: «Разрешите ангажировать вашу даму?» Томми: «Извините, нет». – «А если подумать?» Томми бледнеет. И вдруг появляется солист музыкальной группы: «Я могу вам помочь?» Камила отвечает, переводя взгляд на Томми: «Мне – нет». Тот пускается в пространный рассказ: «Я сделал выбор в пользу вашего ресторана. И, как выясняется сейчас, зря. Думаю, уместно назвать вещи своими именами. Свинья!» Он выплескивает в лицо татуированному громиле вино.

И тут в работу включается ресторанный вышибала. Он перехватывает руку зачинщика драки, бьет его головой в лицо. Присваивает еще двум громилам номера. Первый получает в челюсть. Второй зарабатывает связку в стиле «уличного бойца» – самая красивая в этой схватке. И Камила, аплодировавшая ему за песню, сейчас отдает должное за «танец». Он появился как нельзя кстати. Сумел исправить свою оплошность, поднять настроение заскучившим было клиентам ресторана. А что Томми? Он достойно выходит из ситуации. Отирая руки носовым платком, словно сам участвовал в драке, он спрашивает: «Зрелище входит в заказ или придется доплатить?»

– Алло? – Томми с минуту смотрел на Камиллу и начал подумывать, что она задремала. – Снова сочиняешь кухонный роман?

Камилла посмотрела на него с сожалением.

Глава 8

Первый клиент

1

Камилла приняла сообщение, оставленное Вальдесом на автоответчике: «Два дня меня не будет в городе – уезжаю в Мадрид по делам. Позвони мне на сотовый».

Они проговорили о пустяках пару минут.

Положив трубку, Камила приняла решение. Освежившись в душе, она облачилась в брючный костюм.

«БМВ»-кабриолет дожидался ее в подземном гараже. Бросив сумочку на сиденье переднего пассажира, женщина завела двигатель и притормозила перед застекленной конторкой дежурного:

– Вероятно, я вернусь завтра утром.

Она всегда предупреждала служащих парковки. Нередко, как в яхт-клубе, называла маршрут. Но не в этот раз. Она отметила время: в отель «Берег мечты» она приедет через час.

Дорога отвлекала Камиллу от навязчивых мыслей. Она не могла ответить на вопрос: чем притягивает ее отель. Не образом сильного парня, четким кадром оставшимся в памяти. Приманивало что-то неопределенное, и Камила повторилась: образ. Не идеальная форма, а наглядное представление о чем-то пока неуловимом, вселяющем надежду. Она полагала, что вскоре наведет порядок в своих мыслях. И начала уборку самым решительным образом. Она спешила на встречу с человеком, который ей показался ярким, живым, натуральным. Пусть даже этот образ она нарисовала сама.

Восемьдесят километров пути. Далековато для обычного ужина. Камила улыбнулась.

В этот раз на парковке к ее машине подошел служащий отеля, и она оставила ключ в замке зажигания. Миновала новый зал, прошла в старый и заняла место напротив оркестра. Сейчас музыканты играли композицию Бьерна Ульвеуса «Победителю достанется все» в прежнем составе: две акустические гитары, бас, орган, перкуссия. Звук не громкий, но глубокий и проникающий – это Камила отметила еще в прошлый раз.

Она покачала головой на вопрос официанта:

– Спасибо, я жду.

Он склонился над канделябром и зажег свечи. Женщина едва не остановила его вопросом: «Сегодня музыканты обходятся без солиста?»

Прикурив от свечи, она положила ногу на ногу и, постукивая пальцами по поверхности столика, стала слушать музыку. Одна композиция, другая. Камила все больше хмурилась; определение – чисто инструментальная группа – вертелось у нее на языке.

Как и в прошлый раз, она оглянулась, воспроизведя в мыслях яд Томми: «Свернешь шею». За крайним столиком сидели два парня. От приличной публики они отличались вольным стилем одежды: джинсы, тенниски. Особо бросался в глаза крепко сбитый парень с длинной крашеной челкой, падающей на глаза, и короткой бородкой. Вальдес назвал бы их вышибалами. Но это заведение – далеко не кабак или дешевое кафе. Все так. Однако все чаще их можно видеть в приличных ресторанах, где наглецов, наживших деньги на разорении других, день ото дня становится все больше.

Камилла успела отметить, что обслуживающий персонал «Берега мечты», включая музыкантов, был исключительно испанским. Эти же парни, на которых она обратила внимание, ско-

рее всего русские, как и владельцы отеля. А последние, по словам Вальдеса, открыли агентство с набором сыскных услуг. Бред. Может быть, он неправильно понял Абрамова.

Камилла привлекла внимание парней жестом руки и заняла прежнее положение.

– Буэнос ночес, сеньора! – приветствовал ее Николай Кокарев, став напротив.

– Буэнос! – ответила она, отмечая его акцент. – Я ищу одного человека. На прошлой неделе я была в вашем ресторане, он поначалу находился на сцене, потом перешел за дальний столик.

Кок перешел на английский язык:

– По-испански я знаю несколько фраз: привет, проблемы, выход там. А дальше объясняюсь исключительно жестами. Я понял, кто вам нужен – Джеб. Он сейчас в своем офисе. Вас проводить?

– Вероятно, мы говорим о разных людях. – Камилла вспомнила собеседника Томми – Алекса Абрамова. И она назвала его имя.

Николай еще больше запутал ситуацию, сказав:

– У него тоже свой офис. Но в нем сейчас пусто, как в бане по выходным. Абрамов в Москве.

Камилле ничего другого не оставалось, как пойти за этим странным парнем.

Он провел ее в служебную часть отеля и остановился напротив двери с надписью «Старший менеджер». Напустив на себя важность, Кок постучал и, пропустив даму вперед, шагнул следом.

Джеб вышел из-за стола и улыбнулся Камилле:

– Здравствуйте! – Он указал рукой на низкий диван, предлагая гостье присесть, жестом другой руки показал Коку на выход.

– Я буду рядом, Евгений Сергеевич.

«Пошел отсюда!» – сверкнул на него глазами Джеб.

Он не ожидал визита Камиллы, хотя несколько раз вспоминал о ней. Ему нравились броские, оставляющие яркое воспоминание в памяти женщины.

Она первой нарушила молчание.

– Значит, вы старший менеджер отеля?

По ту сторону вопроса остался подтекст. Джеб без труда вскрыл его.

– Я совладелец отеля, поэтому сую нос в каждую мелочь.

– Иногда спускаетесь в оркестровую яму.

– Я два года учился в институте театрального искусства на отделении «актер музыкального театра». Песни на английском помогли мне избавиться от акцента.

– Хотели стать актером?

– По молодости лет я хотел стать кем-то.

– Довольны результатом?

– Постольку-поскольку. – Блинков пожал плечами. – Вина?

– Да.

Он снял трубку и отдал распоряжение по телефону.

– Что означает фраза «агентство с набором сыскных услуг»? – Камилла решила закрыть этот вопрос, который ей отчего-то не давал покоя. – Некто Алекс Абрамов сказал об этом моему другу. Вы видели его. Они разговаривали о реконструкции ресторана.

– Реконструкция. – Джеб покивал. Новый статус агентурной группы волновал его. Он жил в предвкушении перемен, которые произойдут лишь с первым заданием в новом качестве.

В настоящее время у испанских властей не было под боком «вражеской агентурной группы». Она, согласно предложениям Школьника, вовремя легализовалась в частную структуру. Об этом знали специальные службы. И Джеб, сделав набросок своего подразделения, не стал скрывать этот факт от Камиллы.

- Теперь мы можем принимать заказы не только от частных лиц.
- Что это означает?
- Тесное сотрудничество со спецслужбами других стран, где главную роль будет играть репутация нашей команды.
- Как называется ваше агентство?
- «Алекс», – ответил Блинков. – Мы зарегистрировали его в Испании, имея юридический адрес в отеле, который мы приобрели в собственность два года назад.
- Значит, ваша специфика...
- Один из параграфов устава бюро гласит: «Предоставление клиентам агентства информации, собранной в конфиденциальном порядке, в том числе и через личные возможности руководящего состава агентства».

Джеб невольно переключился на тему, которая была связана с отставкой начальника флотской разведки адмирала Школьника. Теперь он поселился в отеле всерьез и надолго, и поговорка о двух медведях, которые не могут ужиться в одной берлоге, была как раз к месту.

У Блинкова не было потребности выговориться. Может быть, он представил штаб-квартиру агентства без «двух медведей» и взял на себя обязанности принять и выслушать первого клиента. И только сейчас его насторожило поведение Камиллы. Она очень внимательно, словно эта тема была ей близка, слушала его. Но он сказал ей то, что, к примеру, сказал бы тому же первому клиенту. Он исподволь готовился к такой беседе.

- Скажите, – тихо спросила Камилла, – розыск людей числится в вашем списке услуг?
- Да.
- Пауза.
- Я бы хотела найти одного человека.

Камилла осталась в номере одна. Ей требовалось много времени, чтобы осмыслить его небольшой отрезок. Во-первых, вернуться в реальность. Поскольку встреча с агентом российской разведки в его офисе до этой минуты казалась ей навязанной или лежащей за пределами реальной действительности. Теперь она пожалела о том, что рядом нет Томми. Он не был наделен особым воображением и смог бы *навязать* ей это свойство, вернуть ее на землю.

Три года безуспешных поисков.

Полиция, Интерпол ищут конкретных людей. Камилла же искала тень.

Образы. Она помешалась на образах. И сейчас призрак человека скалился то из одного угла комнаты, то из другого; включи она телевизор, увидела бы его иссеченное помехами лицо.

Где ты, мразь?!

Она видит девичью руку, перетянутую жгутом. Игла шприца прокалывает кожу, поршень закачивает кровь, затем выдавливает в вену смертельную дозу наркотика.

Время чуть залечило ее рану. А сейчас она открылась, давая знать о себе новой болью, словно несчастье случилось только что, а не три года назад. Это чертов *русский* отель перегрыз швы и обнажил рваные края раны.

Камилла беспомощно оглянулась: бежать. Бежать отсюда без оглядки.

Всего неделю назад она думала и говорила о чем угодно. «Творожный сыр, пряные травы. Ты знаешь мой вкус». И слышала ответ: «*Вместе мы уже три года*». Она придумывала «кухонные романы» и читала их вслух...

Она набрала номер Вальдеса и сказала:

– Томми, я совершила глупость. *Я свернула шею* – ты был прав. Забери меня отсюда.

Вальдес прилетел в Барселону первым же рейсом и доехал до отеля на такси.

Пять утра. Камилла заглядывает в его обеспокоенные глаза и видит в них два обезболивающих озера. Его губы шепчут:

– Я люблю тебя. Ты всегда можешь положиться на меня. Даже если ты мне изменила.

Он промерз за время пути до Барселоны, однако, сидя за рулем кабриолета, не стал поднимать мягкий откидной верх. Он видел, что Камилле так легче.

Новый день начался с вопроса Камиллы:

– Сколько мы сможем собрать денег?

– Сколько бы мы ни собрали, ты выбросишь их на помойку. Боже, Камилла, я не узнаю тебя! Ты поверила артисту эстрады, который в свободное время открыто шпионит по всему миру. Ты в своем уме? Посмотри мне в глаза. – Он присел подле нее и взял за руку. – Просто посмотри и послушай. Представь, что не ты, а я сказал тебе то же самое. Как далеко ты послала бы меня? Вот! – Томми отпустил ее руку и встал. – Наконец-то я вижу ответ в твоих глазах. Не сегодня, но завтра мы вместе отправимся в клинику. Помощь психолога тебе просто необходима.

– А если я пойду к врачу одна?

– Приветствую даже такой шаг, – быстро откликнулся он.

– А ты тем временем поедешь в отель.

– Черт с тобой! – с новой силой вспылал Томми и нервно зашагал по комнате, засунув руки в карманы брюк. – Я поеду! Я подведу черту под твоей глупостью!

2

Вальдес напрочь забыл о знакомстве с Абрамовым. Сейчас перед ним не владелец отеля, с которым он профессионально обсуждал перепланировку ресторана.

Абрамов и Вальдес удобно устроились в комнате для конфиденциальных встреч, имеющей массивную дверь и звуконепроницаемые стены.

На Томми светлый костюм и черная рубашка; серый галстук на ее фоне почти не различим. Абрамов в джинсах и рубашке с короткими рукавами.

– Камилла развелась с мужем, когда Диане было девять лет. Я встретил Камиллу, когда девочке исполнилось шестнадцать, – сбивчиво рассказывал Вальдес. – Спустя месяц Диана пропала. Она пошла на ночную дискотеку, там, по сведениям полиции, познакомилась с каким-то парнем. Они ушли вместе, но девушка домой не вернулась. Ее нашли через неделю в брошенном доме на окраине Барселоны. На ее руках медики обнаружили множество следов от инъекций.

– Причина смерти?

– Диана умерла от передозировки наркотика, – ответил Томми. – Кто-то очень хотел выставить девушку наркоманкой со стажем.

– А что тот парень с дискотеки?

– Он оказался вне подозрений. Тяжелые наркотики не употреблял. А в тот вечер они с Дианой выкурили сигарету с марихуаной. Плюс вино и какие-то энергетические напитки, какие именно – не знаю.

– Мотивы преступления следствием были установлены?

– Черт, конечно же нет!

– Еще один вопрос. Как я понял, целую неделю девочка провела в бессознательном состоянии.

– Да, это подтвердили специалисты-наркологи.

– Следов изнасилований на ней не обнаружили?

– Нет. – Вальдес покачал головой. – Она не жила половой жизнью.

– Странно, не находишь? – Абрамов выразительно округлил глаза. – Какой-то подонок пичкает девушку наркотиками и не пользуется ее состоянием.

– Я не раз об этом думал.

- Что бы сказала нам Камилла, а не ты?
- В каком смысле?
- Подумай.
- Не знаю. Есть множество деталей, которые я мог подзабыть.
- Например?
- Ну... – Вальдес выгнул бровь, – следствие установило такой факт: Диане вводили новый наркотик. Он появился на черном рынке за месяц, кажется, до трагедии.
- Синтетика?
- Героин с примесью синтетики. Происхождение героина – Лаос.
- «Золотой треугольник»?
- Судя по всему.
- Это неплохая нить для следствия. Остановимся вот на чем. – Абрамов побарабанил пальцами по подлокотнику. – Я не стану спрашивать, подозревает ли кого-нибудь Камилла. Не знаю, навязчивая это идея или нет, но кто-то из вас двоих должен четко ответить на один вопрос: кого вы хотите найти?
- Вальдес минуту провел в молчании.
- Для Камиллы важно найти человека, который стоит за трафиком героина в Барселону в частности. Она не надеется найти исполнителя.
- Говори смелее, Томми.
- Хорошо. Нас, ее, не знаю, устроит труп этого человека и доказательства причастности его к наркотрафику. Только не сфабрикованные.
- Мы не занимаемся фальсификацией, подтасовкой фактов и прочим. Мы потянем за ниточку, которая у нас есть.
- Чтобы потянуть за ниточку, нужно иметь хоть какой-то послужной список, – непрозрачно намекнул Вальдес.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.